

**Архиепископ Охридский
и митрополит Скопский
ИОНАН (Вранишковский)**

СВОБОДЕН В НЕВОЛЕ

Данилов мужской монастырь
Даниловский благовестник
Москва • 2012

УДК 271.2
ББК 86.372
И 75

РЕКОМЕНДОВАНО К ПУБЛИКАЦИИ
ИЗДАТЕЛЬСКИМ СОВЕТОМ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

ИС 12-124-2529

И 75 **Иоанн, архиепископ Охридский
и митрополит Скопский**
СВОБОДЕН В НЕВОЛЕ. – М.: Даниловский бла-
говестник, 2012. – 192 с.

ISBN 978-5-89101-475-6

Македония – это страна, где гонения на Православие – официальная государственная политика. С византийских времен прославленная своими обителями древняя земля, в последние шестьдесят лет подверглась особым испытаниям. Бывшая Югославская Республика являет собой печальный пример эксперимента над народом: националисты, считающие, что «у отдельного народа должна быть собственная Церковь», не остановились перед вторжением в духовную сферу, организовав в 1967 году церковный раскол. Закономерным результатом самочинно провозглашенной «автокефалии» стали преследования духовенства и мирян, не пожелавших пребывать в расколе. Главная часть книги, которую Вы держите в руках, – это письма архиепископа Охридского и митрополита Скопского Иоанна, написанные во время тюремного заключения, которому Владыка трижды подвергался на родине за верность церковному единству.

УДК 271.2
ББК 86.372

ISBN 978-5-89101-475-6

© Данилов ставропигиальный мужской
монастырь, оформление, верстка, 2012
© Георгий Максимов, диакон, перевод
с сербского, 2012

Предисловие

В Республике Македония до сих пор продолжают гонения на Охридскую Архиепископию Сербского Патриархата. По сообщению портала Правмир 12 декабря 2011 года, при пересечении границы Республики Македония на въезде со стороны Греции был арестован и отправлен в тюрьму Идризово архиепископ Охридский и митрополит Скопский Иоанн, глава Православной Охридской Архиепископии Сербской Православной Церкви. Это уже третье тюремное заключение, которому подвергается у себя на родине владыка Иоанн. Преследования начались вскоре после того, как он покинул в 2002 году пребывающую в расколе Македонскую Православную Церковь, поддерживаемую государством, и перешел

в Сербскую Православную Церковь. Первый тюремный приговор был вынесен за «разжигание религиозной ненависти» (так македонский суд оценил обличение раскола в одной из проповедей архиепископа), второй и третий – за якобы допущенные окружением архиепископа Иоанна финансовые нарушения в то время, когда он был Велесским митрополитом Македонской Православной Церкви.

Как только архиепископ Иоанн выходил на свободу, против него сразу же возбуждали новый процесс. Многолетние преследования архиерея Сербской Православной Церкви вызвали резкое осуждение со стороны многих международных организаций. Предстоятели Поместных Церквей – в том числе покойный Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, – неоднократно обращались к руководству Республики Македония с просьбами об освобождении архиепископа Иоанна.

Последний приговор был вынесен в 2010 году в то время, когда Владыка находился за пределами Македонии, с визитом в Греции. По решению Синода Православной Охридской Архиепископии архиепископу Иоанну было рекомендовано отложить его возвра-

щение в Македонию. 16 ноября 2010 года архиепископ Иоанн был арестован при пересечении границы с Болгарией, поскольку Македония объявила его в розыск по линии Интерпола. Однако болгарский суд, изучив обстоятельства дела, постановил, что в основе его лежит преследование по религиозным и политическим мотивам, и отказал в выдаче архиепископа Охридского Иоанна Македонии, после чего Владыка смог свободно вернуться в Грецию.

По свидетельству источника из Православной Охридской Архиепископии, отсрочка с возвращением в Македонию отчасти была связана с желанием архиепископа закончить обучение на Богословском факультете Фессалоникийского университета, что не удавалось из-за прошлых тюремных заключений. В конце октября 2011 года архиепископ Иоанн успешно защитил докторскую диссертацию в Фессалониках, и теперь вернулся на родину, в надежде, что после того, как отбудет срок третьего тюремного заключения, он сможет быть вместе со своей паствой. В настоящее время приходы и монастыри Православной Охридской Архиепископии действуют во всех крупных

городах Македонии, однако они до сих пор не признаны властями и в своей деятельности нередко сталкиваются с сильным противодействием со стороны раскольников. В общей сложности архиепископ Иоанн провел в тюрьме около двух лет.

Настоящая книга сложилась из писем, которые Владыка, отбывая свой первый срок в 2005 году, писал сестрам из монастыря Святителя Иоанна Златоуста. Позднее, после выхода на свободу, владыка Иоанн немного подредактировал записи и благословил опубликовать. Во время второго тюремного заключения, которое последовало вскоре за первым, владыка Иоанн составил программу по улучшению воспитательной работы в тюрьме и направил ее правительству страны. Основным пунктом программы было предложение позволить духовным лицам приходить в тюрьмы для проповеди, исповеди и служения Литургии. То, что для России является обычной практикой на протяжении многих лет, в Республике Македония до сих пор строго запрещено. Все время своего заключения Владыка, как и остальные обитатели тюрьмы Идризово не имел возможности исповедоваться или причаститься.

Македонские исповедники наших дней

Представьте, что вас изгоняют из вашего монастыря. Представьте, что полиция бульдозерами рушит ваш храм. Представьте, что вас увольняют с работы, арестовывают и бросают в тюрьму без суда и следствия, над вашими детьми издеваются, вас избивают – и все лишь из-за вашей верности Православию!

Это не воспоминание о гонениях в СССР, а события, которые происходят сейчас, в наше время. Есть целая страна, где гонения на Православие – официальная государственная политика.

Эта страна – Македония. Когда один македонец спросил своего английского друга: «Знаете ли вы

о Македонии?» – тот ответил: «Кажется, это вид фруктового салата».

К сожалению, некоторым россиянам пока что известно ненамного больше, поэтому не лишним будет небольшое введение.

Бывшая Югославская Республика Македония являет собой печальный пример эксперимента властей над народом. Древняя православная земля, где славились обители еще с византийских времен, где был Охрид – один из центров славянского Православия, где трудились и просияли святые Наум и Климент Охридские, известный толкователь Писания блаженный Феофилакт Болгарский, а в XX веке – святитель Николай (Велимирович), в последние шестьдесят лет подверглась особым испытаниям.

Пришедшие к власти после Второй мировой войны местные коммунисты решили создать новый народ – македонцев. У живущих здесь болгар отменили отчества, изменили фамилии, приставив окончание «-ский», (так, например, Стефанов превратился в Стефановского и т. п.), провели реформу алфавита и языка – лишь бы как можно меньше осталось сходств с болгарями. Естественно, переписали историю, так что жителей юго-

славской Македонии объявили не то что не болгарами, но даже и не славянами, а «потомками древних иллирийцев».

В рамках этой кампании экспериментаторы не остановились и перед вторжением в духовную сферу – как и многие националисты, считающие, что «у отдельного народа должна быть собственная Церковь», македонские коммунисты решили организовать раскол, и в 1967 году Охридский архиепископ Досифей, чья епархия находилась под юрисдикцией Сербского Патриархата, пошел на сговор с властями и самочинно провозгласил «автокефалию».

Несмотря на государственное давление, Сербская Православная Церковь не признала такого поступка, и самопровозглашенная Македонская Православная Церковь ушла в раскол, на долгие десятилетия прервав общение со всем православным миром.

Раскол появляется тогда, когда кто-то ставит различие во второстепенных вещах, таких как национальность, соблюдение особенностей в обрядах или что-либо подобное – выше единства во Христе. Раскол – это тягчайший грех и огромная духовная трагедия.

После падения коммунистического режима и отделения Македонии от Югославии, появилось движение к преодолению пагубного разделения. Переговоры, которые шли не один год, завершились подписанием делегаций сербских и македонских епископов Нишского соглашения, согласно которому Церковь в Македонии возвращается под омофор Сербского Патриархата, принимает древнее название – Охридская Архиепископия и получает полную автономию.

Казалось, вот-вот и раскол будет, наконец, уврачеван. Однако по возвращению этих епископов, «демократические» власти Македонии, продолжившие политику коммунистов в области религии, оказали давление на подписантов и архиереи отrekliсь от своих подписей.

Лишь один архиерей – митрополит Велесский и Повардарский Иоанн в 2002 году откликнулся на приглашение Сербского Патриарха и вернулся из раскола, придя к единству с Вселенским Православием. Так в Македонии появилась каноническая Церковь, к которой примкнуло большинство монашествующих и тысячи православных мирян. Владыка Иоанн стал законным гла-

вой Охридской Архиепископии, в которой появилось вскоре еще два епископа, составивших Священный Синод этой автономной Церкви, началось активное возвращение из раскола...

И начались самые настоящие гонения со стороны раскольничей МПЦ и македонского государства, которые продолжаются и по сей день.

По милости Божией мне удалось посетить гонимую Церковь – Православную Охридскую Архиепископию, и в своем рассказе я постараюсь в большей степени дать слово ее пастырям и прихожанам.

Когда я приехал в Македонию, первым, с кем я встретился, был игумен **Давид (Нинов)**, которого я и попросил рассказать о его пути из раскола в каноническую Церковь и гонениях, которые он претерпел за это:

– Еще в коммунистическое время бабушка рассказывала мне о вере, и я рос верующим человеком. В то время, когда я стал интересоваться духовной жизнью, монастырей в Македонии не было вообще. В 1967 году из страны были изгнаны все монахи, поскольку они не поддержали раскол, и в МПЦ

не было монахов, и епископы рукополагались только из вдовых священников. Но в 1995 году я посетил Россию и там от русских узнал про монашество. Было большое желание пойти на Афон, но тогда границы с Грецией были закрыты, и я решил стать послушником в какой-нибудь русском монастыре.

Но едва я собрался исполнить задуманное, как узнал, что в Македонию приехали с Афона два монаха-македонца. Я вернулся в 1996 году и вместе со своими друзьями принял постриг от этих монахов, и у них мы стали учиться монашеской жизни.

Вопрос о расколе стоял с самого начала, поскольку все грамотные христиане понимали, что то состояние, в котором находится Македонская Церковь – ненормально.

В 1999 году Богородица открыла нам путь на Афон, и мы с друзьями прибыли в монастырь Симонопетра. Нас принимали там с большой любовью, но не допускали до Причастия и совместных служб – по причине раскола. И вот тогда мы поняли всю трагичность нашего положения.

Уже в то время мы хотели выйти из раскола, но переговоры МПЦ с Сербской Церковью все еще продолжались, и святогорцы

посоветовали нам подождать их окончания. Результатом переговоров стало присоединение владыки Иоанна в каноническое единство с СПЦ, и святогорцы благословили нас, что совершенно совпало с нашим собственным желанием, вступить в общение с архиепископом Охридским, о котором мы прежде слышали только хорошее.

И бóльшая часть монахов перешла в Православную Охридскую Архиепископию, возглавляемую владыкой Иоанном. Были и другие монастыри, которые хотели вернуться к единству, но, увидев, что произошло с нами, испугались. Также можно вспомнить, что все священники Велесской епархии подписались под прошением Патриарху Павлу о воссоединении, но когда начались гонения, они отказались от своих слов.

Да мы и сами не были готовы. Никто не ждал ничего дурного, когда 11 января 2004 года мы приехали к архиепископу Иоанну служить первую Литургию в канонической Церкви – 12 монахов и монахинь, представители четырех монастырей. С какой радостью мы начинали эту службу! А во время пения «Иже Херувимы» вдруг очень сильно застучали в двери. И когда их открыли,

ворвались полицейские, которые вошли в алтарь, и потребовали прекратить Литургию. Тогда Владыка ответил: «Если вы хотите прервать Литургию, вам придется убить нас».

Полицейские отступили, решив подождать окончания службы.

А после этого, без объяснения причин, нас арестовали и затолкали в тюремные машины. Внутри было темно, и мы не знали, куда нас везут. В участке, куда нас привезли, мы пробыли 30 часов без еды, питья и кровати. Пока Владыку и нас, игуменов, держали в тюрьме, полиция выгоняла монахов из монастырей, и когда наконец нас выпустили на улицу, оказалось, что нам некуда возвращаться.

Нас выселили без суда, без закона, без срока, хотя по документам мы были прописаны в обителях. К счастью, нам помогли выжить – отчасти наши родные, а отчасти – верующие люди.

После того, как нас изгнали из монастырей, а церкви, которые мы строили, были разрушены, мы вынуждены были служить и обитать на квартирах или же в загородных домах, маскируя их под обычные строения.

Думаю, в том, что случилось, есть Промысл Божий. В XX веке везде Церковь страдала от коммунизма – и только в Македонии мы не претерпели вообще никаких гонений, ведь МПЦ была создана самими коммунистами. А теперь пришла наша очередь пострадать и принять участие в общих страданиях Церкви, гонимой в минувшем веке.

Раскол принес страшные плоды безверия в этом некогда благочестивом крае. Коммунисты здесь действительно не подвергали гонениям МПЦ, и все храмы и монастыри были официально переданы в собственность раскольникам. И те, в погоне за наживой, сделали немислимое – стали распродавать или сдавать в аренду древнейшие храмы и монастыри.

Своими глазами я видел монастырь Святого Пантелеимона в горном Нерези, построенный в XII веке, – его раскольники превратили в отель, известный среди местной молодежи своими проститутками, и ресторан. В храме никогда не служат Литургии, только за специальную плату и по заказу совершают венчание.

Кафедральный собор Святой Софии в Охриде сдают арендаторам как концертный зал.

Церковь Спасителя – главная церковь Скопье – превращена в музей.

Церковь Святого Георгия, построенная до войны сербами и русскими, переделана в магазин.

Но самое тяжелое зрелище – то, что главную святыню страны, монастырь Святого Наума Охридского, в котором почивают мощи основателя, самого знаменитого подвижника этих мест, десять лет назад раскольники также превратили в гостиницу.

Это примерно то же самое, как если бы Русская Церковь превратила Троице-Сергиеву Лавру в светскую гостиницу для туристов – немыслимое кощунство! Когда стало известно об этом решении МПЦ, многие верующие Македонии возмутились. Протестовали даже представители других славянских Церквей, говоря: «Вы не имеете права так распоряжаться святыней, ибо это наследие всего славянского Православия», – но иерархи МПЦ никого не послушали.

За месяц до того, как я приехал в Македонию, здесь случился еще один аналогичный скандал – глава МПЦ архиепископ Стефан продал греческой компании территорию вместе с находящимся на ней древ-

ним монастырем, с формулировкой: «Религиозной ценности не представляет»...

За неполных сорок лет раскола местная Церковь не делала ничего для просвещения народа, и результат не заставил себя ждать – бóльшая часть паствы МПЦ – это номинальные христиане, которые порою даже не умеют перекреститься, а в храм если и заходят, то лишь по большим праздникам.

Что же касается искренне, сознательно верующих православных, то бóльшая часть их, несмотря на гонения, перешла в каноническую Церковь.

– Во многом Охридская Архиепископия возникла как реакция на общий кризис МПЦ, – говорит второй мой собеседник, **иерей Борьян Витанов**.

Сам он за то, что пришел к единству с канонической Церковью, был изгнан из своего храма, отчислен с богословского факультета Университета им. св. Климента Охридского, подвергался нападениям; его новая церковь Святого Нектария Эгинского была разгромлена раскольниками.

– Сейчас я служу на квартире, средств, чтобы построить церковь, не хватает, а

если бы и хватило – закон не позволяет это сделать, ведь государство до сих пор отказывает нам в регистрации. Но мы не отчаиваемся и даже рады такому положению, ибо надеемся не на правительство, которое сменится, но на Бога, Который неизменен. Как сказал святитель Николай Сербский, мы не ждем хороших времен, мы ждем Христа.

Каждый день все больше людей возвращается в каноническую Церковь, несмотря на то, что это грозит им большими проблемами, и на то, что службы проходят в столь стесненных условиях, что нельзя ни свечу поставить, ни поклон сделать.

Бывает, что в двухкомнатную квартиру, где служат Литургию сто двадцать человек набивается и это еще не все, кто хотел бы прийти. Паству приходится делить на части, и люди посещают богослужения поочередно. Но и эти квартирные храмы полиция может в любой момент рассекретить. Поэтому нам так важна регистрация, чтобы можно было построить церковь, и ее не стали бы разрушать, как монастырь Св. Иоанна Златоуста в Нижеполе или громить, как церковь Святого Нектария Эгинского, где я служил раньше.

Когда мы открыли эту церковь, ее стали посещать многие местные жители. Люди, которые никогда прежде не ходили в храм, начали воцерковляться. А на другом конце деревни стоял храм МПЦ, настоятель которого причинил нам много зла.

Семь раз нас грабили. Я сообщал об этом в полицию, но служители порядка никак не реагировали. Затем несколько хулиганов подкараулили нас с о. Климентом, когда мы вышли из храма, напали на нас и стали избивать. При этом жители нашей улицы вышли и защитили нас.

А несколько дней спустя, когда мы приехали служить Литургию, увидели, что церковь разгромлена и разграблена. И когда мы с горечью осматривали последствия погрома, на улице собралась толпа, человек семьдесят, организованная местным раскольническим священником Гораном Каревским. В этой толпе не было ни одного человека с нашей улицы, все незнакомые. Они перегородили улицу и стояли молча.

Я стал звонить в полицию, но полицейские снова не стали предпринимать никаких мер. А народу собиралось все больше. Бывшие с нами прихожане испугались и просили,

чтобы мы с о. Климентом сели в машину, и уехали отсюда. Мы не стали возражать, но не было никакой возможности пробиться сквозь оцепление. Тогда мы стали звонить родителям, чтобы те вызвали полицию. Наконец приехала одна машина с несколькими полицейскими, которых было мало настолько, что они не смогли бы остановить толпу. А люди уже начали орать, называть нас сербами, греками, шпионами, кощунствовать, оскорблять Богородицу; многие были нетрезвыми.

Мы в это время сидели в машине и с надеждой смотрели на полицейских, и вдруг я увидел, как один из них приветливо поздоровался с людьми из толпы и сказал: «Давайте перевернем машину и сожжем их, а потом дадим показания, что нас, полицейских, было мало и мы ничего не могли сделать против такой толпы».

В этот момент, сказать по правде, даже я испугался. И вдруг из толпы вышла старушка, совсем неизвестная, она подошла к машине, повернулась лицом к толпе, погрозила ей пальцем и громко сказала: «Это – православные священники, и если вы что-то им сделаете, Господь вас накажет!» И после

этих слов смутьяны словно онемели секунд на десять, воцарилась тишина, а потом эти люди стали ругать и оскорблять пожилую женщину. Однако уже через несколько минут приехало подкрепление, полицейские с автоматами выстроили кордон вокруг машины и защитили нас.

Вот поэтому теперь и мы служим по квартирам. Много моих прихожан потеряли работу из-за верности Охридской Архиепископии. Многие переходят к нам целыми семьями, но есть некоторые, кто претерпели гонения и от родных. Так, была одна семья, где отец и сын – протестанты, а мать и дочь ходили в МПЦ. И когда владыка Иоанн воссоединился с Сербской Православной Церковью, сын и дочь пришли в Охридскую Архиепископию, а родители из-за этого выгнали дочь из дома. Мы предоставляли ей ночлег некоторое время, а потом ее приютил брат, у которого есть своя квартира. Другую девушку отец избивал за то, что она стала православной, теперь девушка тоже живет отдельно от родителей.

Все это печально, но мы помним и понимаем, что не только в Македонии страдает Церковь – она страдает везде, и недавние

трагические события в Ливане подтвердили это. Наши страдания ни в какое сравнение не идут с теми, которые претерпела Русская Православная Церковь во время большевизма, и русские новомученики – главный духовный пример для нас.

И Господь не оставляет нас. Я никогда раньше не чувствовал такой благодати, как сейчас. Ни одна Литургия, что я служил в расколе, не может сравниться с той, что я служу сейчас, хотя тогда это происходило в церкви, а теперь на квартире, но я чувствую, что это та же Литургия, что служится и в Москве, и в Фессалониках, и везде. Разница огромная, изобилие благодати, особенно, когда я поминаю нашего заключенного архиепископа.

Много и чудесных событий происходит. Например, когда в нашей церкви украли несколько икон, через два дня некоторые из них сами вернулись на свои места.

Помню, однажды из-за нашего с супругой маловерия мы стали отчаиваться, так как после изгнания из храма мы совсем не имели средств к существованию, не было финансирования и в Охридской Архиепископии. И вдруг перед началом Литургии пришла

старушка, которую я видел первый и последний раз в жизни, дала пожертвование в 18000 динаров (250 евро), и попросила лишь поминать ее на проскомидии.

Я отказывался брать деньги, ибо это очень большая сумма для Македонии, но она убедила меня принять пожертвование как послушание Христу. Так Господь через эту женщину мгновенно разрешил тогдашние материальные затруднения, а уже позже нашими прихожанами стали люди, верные канонической Церкви, и в нужду мы больше не впадали.

Можно привести и другие примеры. Судья, который первым осудил владыку Иоанна, Мишко Тасковский, вел себя очень грубо. Архиепископ предлагал ему покаяться, но тот даже разговаривать не захотел. Вскоре после этого процесса он получил повышение по службе, и в тот день, когда должен был вступить в должность, внезапно умер, хотя не был ни старым, ни больным. Он попросил секретаршу принести кофе, а когда та вошла в кабинет, увидела его мертвым.

То же случилось с инспектором, который разрушал монастырскую церковь в Нижеполе. Сначала он звал своих коллег из Битолы,

но все они отказались принимать в этом участие. И тогда вызвали полицейских из Скопье, чтобы снести храм бульдозером. Из битольских полицейских только он участвовал в разрушении, и на следующий же день умер. Все в Битоле знают, какова духовная причина его смерти.

Но самое большое чудо, на мой взгляд, – то, что, несмотря на гонения, к нам приходит все больше верующих.

На следующее утро мне посчастливилось участвовать в Литургии, которую служит отец Борьян. Всего в Скопье православная Литургия канонической Церкви совершается в четырех местах: два из которых – «квартирные» храмы, а еще два – церкви, замаскированные под дачные строения. Приходы Охридской Архиепископии есть и в других городах: Битоле, Штипе, Прилепе, Охриде и Куманово. Действует пять монастырей: два мужских и три женских.

Студенты Охридской Архиепископии учатся в духовных заведениях Сербии и Болгарии, со временем они удостоятся рукоположения во священный сан, и количество приходов канонической Церкви в Македонии будет неуклонно расти.

Храм расположен в двухкомнатной квартире, которую снимают отец Борьян с супругой. Внутри устроен алтарь, но таким образом, чтобы, если понадобится, в течение пяти минут можно было бы замаскировать это под обычную квартиру – ведь хозяин жилья не знает о том, в каких целях оно используется.

Среди диванов и кресел благоговейно стоят прихожане, хор из двух человек поет: «мученицы Твои, Господи...», на чтении Евангелия звучат слова: *«Претерпевый до конца, той спасен будет»* (Мф. 10, 22)...

Служат здесь частично на церковнославянском, а частично на македонском, но в монастырях – преимущественно на славянском. На стенах – иконы русских святых, на полках – книги святых Иоанна Кронштадтского, Феофана Затворника и многих других. Как и в Сербии, среди верующих македонцев очень распространено почитание царственных страстотерпцев, блаженной Матроны Московской, блаженной Ксении Петербургской.

И вообще влияние русского Православия чувствуется здесь гораздо больше, чем я мог бы предположить. Неудивительно, что

Русскую Православную Церковь особенно любят, потому-то верующие Охридской Архиепископии так болезненно воспринимают утверждения македонских СМИ о том, что, якобы, Московский Патриарх признает и поддерживает раскольников.

Что, разумеется, является ложью. Когда владыка Иоанн пришел в каноническое единство с Сербской Матерью-Церковью, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II был первым, кто публично поддержал его.

Так, Его Святейшество в письме от 28 июня 2002 года, направленном Сербскому Патриарху, писал: «Мы ныне испытываем утешение о Господе, получив от Вас известие, что один из архиереев в Македонии, Высокопреосвященный митрополит Велесский Иоанн, уже вступил в каноническое общение и единство с Вашим Святейшеством, а тем самым и с Полнотой Вселенского Православия. Отныне и Мы сего брата во Христе чрез Вас приветствуем и сугубо поминаем его в наших молитвах, да укрепит его Господь».

Что касается МПЦ, то наш Патриарх неоднократно свидетельствовал, что это – раскол, все приверженцы которого «находятся

вне полного церковного общения со своими единоверцами в Сербии и Черногории и во всем мире»*, и уврачевание его возможно только через общение с Матерью-Церковью. Он выражал готовность стать посредником в преодолении македонского раскола, но констатировал: «К сожалению, поддержка, которую получают раскольники, часто не позволяет им стать на правильную, каноническую точку зрения»**.

Наконец, когда канонического Охридского архиепископа посадили в тюрьму, Его Святейшество 22 августа 2005 года обращался к президенту Республики Македония Бранко Црвенковскому с просьбой об освобождении владыки Иоанна и свидетельствовал, что молится о его освобождении.

Однако несмотря на все указанные факты, македонские СМИ продолжают тиражировать лживые утверждения раскольников о том, что их якобы признает Русская Церковь.

Чуть позднее мы посетили женский Успенский монастырь возле Скопье. Он размещается в загородном доме, предоставленном

---

* См.: <http://www.pravoslavie.ru/news/051115184826>.

** См.: <http://www.pravoslavie.ru/news/041115173425>.

отцом одной из монахинь. Здесь поселились сестры, изгнанные раскольниками и полицией из монастыря Янковац.

Снаружи дом выглядит как обычное здание, ничем не отличающееся от прочих, но внутри все устроено по-монастырски: есть церковь, трапезная, гостиная, кельи и мастерские. Матушки шьют богослужебные облачения, пишут иконы – пожалуй, самые красивые, что я видел в Македонии, делают мозаичные фрески.

Раньше работы сестер были известны по всей Македонии, но после того, как монахинь изгнали, заказов стало существенно меньше.

Игуменья Кирана (Парлик) до возвращения в Македонию шесть лет подвизалась в одном из греческих монастырей. На родине она пришла в монастырь Янковац, где с 1949 года никто не жил, и принялась вместе с сестрами восстанавливать обитель – и за 5 лет все восстановили.

Совершал богослужения и духовно окормлял монастырь вышеупомянутый отец Давид (Нинов), здесь же приняла постриг его бабушка – монахиня Таисия и упокоилась, будучи 92-х лет от роду.

За четыре месяца до изгнания, сестры начали строить храм по проекту игумении Кираны – архитектора по образованию, – и построили очень красивую церковь, в традиционном стиле, так что многие приезжие даже думали, что она древняя. И, едва они закончили строительство, пришла полиция и выгнала их.

Матушка показывает мне фотоальбом. Листая страницы, говорит с грустной улыбкой: «Очень жаль было оставлять все, – получилось, что для раскольников строили».

В монастыре Янковац теперь живет одна «монахиня» МПЦ, мать четверых детей, даже не разведенная с мужем. В монастыре она только днем, ночует в городе Битола. Никаких богослужений здесь не совершается.

После знакомства с Успенским монастырем, мы поехали во второй «квартирный храм» Скопье, где служит **иерей Симеон Браво**. Босниец по национальности, выросший в мусульманской семье, в зрелом возрасте он перешел в Православие, женился и сейчас у них с супругой пятеро детей.

– Много лет назад, когда здесь не было канонической Церкви, я стал посещать старца отца Фаддея. Исповедовался в Сербии,

тогда так многие делали, кто старался избежать раскола – кто ехал в Сербию, кто в Болгарию, кто в Грецию, а кто и в Россию, как, например, отец Наум, который сейчас подвизается на Валааме, и которому принадлежит эта квартира, где мы служим.

Когда владыка Иоанн перешел в каноническую Церковь, он поддержал нас с супругой, и позднее в 2004 году рукоположил меня в священный сан.

Служим мы здесь по воскресным и праздничным дням, чаще нельзя – соседи могут пожаловаться. Во время службы поем тихо, ибо если петь громко, соседи, а они только ждут повода донести на нас, тут же начинают возмущаться. Каждый раз к нам приходят новые люди, хотя многие и боятся преследований.

В МПЦ есть феномен «гуруизма», поэтому многие хотят перейти в Охридскую Архиепископию, но боятся обидеть своих духовников, оставшихся в расколе. Часто бывает так, что люди начинают посещать службы и здесь и там, а затем окончательно переходят к нам.

Вот, один пример – я несколько раз виделся в городе с молодым человеком по имени

Виктор, и тот спросил: «Я к вам заходил, почему вы не причастили меня, ведь я исповедовался в МПЦ?» И я ему ответил: «Потому что исповедь в расколе не имеет никакой ценности». И Виктор пришел еще раз к нам на богослужение и после этого окончательно перешел в Охридскую Архиепископию. И уже потом признался, что причиной стало то, что он ощутил благодать на этом богослужении, которая и призвала его, и теперь он знает, что я так говорил тогда по любви к нему, а не из ненависти к раскольникам.

И все верующие прихожане МПЦ, когда у них случаются настоящие проблемы, приходят к нашему владыке Иоакиму, к которому многие едут за советом и из Сербии и из Черногории. И Владыка по любви принимает всех, даже раскольников, но предупреждает: «Это – не исповедь, это просто разговор, чтобы участвовать в Таинствах, нужно войти в каноническую Церковь».

Преосвященный Иоаким, македонец, много лет подвизался в Цетиньском монастыре в Черногории, стал известен, как духовный человек, и после восстановления Охридской Архиепископии, его рукоположили в епископский сан для помощи владыке Иоанну.

Бывает так, что когда есть проблема, люди просят Владыку помолиться, и она сразу разрешается. Однажды мы с отцом Борьяном приехали в Велес, на судебное заседание, где слушалось дело архиепископа Иоанна, но нас не пустили в здание суда, и мы стояли на улице. Там же собралась толпа агрессивно настроенных людей, которые стали кричать, что убьют нас. В это время я разговаривал по телефону с владыкой Иоакимом, и попросил его помолиться, и тут же, буквально за пять минут люди успокоились и разошлись, словно их и не было.

В другой раз соседи хотели напасть на меня, и пытались сломать забор. Я снова позвонил Владыке с просьбой помолиться: они еще долго кричали, но так и не решились напасть. Владыка так и сказал: «Они будут лаять, как собаки, но никогда не войдут внутрь». Что и случилось.

Нашим детям угрожают в школе, оскорбляют их только за то, что они в молитвенном общении с архиепископом Иоанном, причем большие оскорбляют учителя, чем другие дети. Но Господь хранит нас.

Я помню 19 сентября, когда на освящение места строительства церкви в Нижеполе

приехали епископы из Греции и Болгарии и священник из Сербии, и впервые служили с нами Литургию, был большой праздник. Всю ночь накануне шел дождь, и наутро по всей Македонии дождило, со всех сторон было темно, и только над монастырем небо оставалось чистым всю службу. Тогда все заметили, что благодать Божия покрывает нас.

В другой день мы поехали в село Лагово, которое находится рядом с городом Прилеп, в двух часах езды от Скопье. Здесь разместилась братия, изгнанная из древнего монастыря Трескавец. Настоятель обители, **архимандрит Софроний**, рассказывает:

– Я принял монашеский постриг в 1996 году. До 2004 года жил вместе с братией в монастыре Трескавец. Когда было подписано предварительное соглашение в Нише, мы верили, что все наши епископы его подпишут, и жили с надеждой, что это случится очень скоро, и вот-вот придет время, когда Церковь в Македонии, наконец, станет канонической.

К сожалению, этого не произошло – и единственным епископом, который исполнил это соглашение, был владыка Иоанн.

Наш монастырь не принадлежал его Епархии, а епархиальный архиерей Петр был в числе подписантов Нишского соглашения, но по возвращении в Македонию и при давлении властей публично отрекся от своей подписи, поэтому мы оказались в сложной ситуации.

Мы ждали что и другие архиереи последуют примеру владыки Иоанна, но этого не произошло, напротив, каноническая Церковь была атакована всеми СМИ и многие епископы, которые прежде гласно высказывались за соблюдение Нишского соглашения, теперь замолчали. И мы перестали надеяться.

Тогда некоторые из монастырей в январе 2004 года решились самостоятельно присоединиться к канонической Церкви. И мы оказались в их числе. В то время Охридская Архиепископия устроила свой Священный Синод, что было важно для окончательного определения.

Монастырь Трескавец находится на вершине 1200-метровой горы. Зимой там так много снега, что пути вниз практически нет. Именно поэтому братство нашего монастыря не молились на памятной Литургии 11 января, когда владыку Иоанна и

пришедших в общение с ним монахов и монахинь арестовала полиция. От нас там присутствовал игумен Давид, из чего властям стало ясно, что наш монастырь тоже перешел в Охридскую Архиепископию.

В тот же день к нашей горе явилась полиция, но из-за высокого снега не могла пройти к монастырю. Тогда полицейские вызвали бульдозер, чтобы расчистить путь, и он работал весь следующий день. Сверху мы видели, как они работают, подбираясь к нам все ближе, и ждали.

Но, несмотря на использование техники и упорство полиции, 12 января она тоже не смогла подняться к нам. На третий день водитель бульдозера чуть не погиб, пытаясь пробиться к монастырю. Это было явным указанием на то, что им следует отказаться от своих намерений. Но они не отступали. Заглушив бульдозер, оставшееся расстояние полицейские преодолели пешком.

Около двадцати полицейских, вместе с ними раскольничий священник из Прилепа и журналисты, все-таки добрались до стен обители. Начальник полиции и священник попросили меня уединиться с ними и наедине показали мне документ от епископа

МПЦ, в котором я объявлялся запрещенным в служении, а этот женатый священник поставлялся новым настоятелем монастыря. При этом не было ни церковного суда надо мной, ни какого-либо иного разбирательства.

Полиция потребовала написать бумагу, где я объяснял бы свое отношение к владыке Иоанну – принимаю ли я его или нет. И я написал, что из-за случившихся действий покидаю МПЦ. Тогда начальник спросил священника: «Что нам теперь делать?» Тот ответил: «Выгнать», – и 13 января 2004 года нас выгнали.

Братство оказалось на улице. Но, к счастью, наши духовные чада поддержали нас, и около полутора лет мы жили на частной квартире в городе. Здесь у нас было две комнаты на троих, и мы жили в тяжелых условиях – и есть, и спать, и служить приходилось в одном помещении. Постоянно дом был под надзором полиции, и каждый день полицейские проверяли документы у всех входящих к нам.

Многие верующие получили тогда возможность исповедовать веру в Бога. Когда здесь в Прилепе они подписали петицию к

власти с просьбой зарегистрировать Охридскую Архиепископию, список подписантов сразу же попал к раскольникам, которые стали ходить по домам с угрозами, чтобы принудить людей отказаться от своих подписей.

Хозяев нашего дома часто вызывали в полицию, где от них требовали выгнать нас. Особо тяжкие искушения настали, когда власти узнали, что мы получили в качестве пожертвования разрушенное здание, в котором никто не жил больше тридцати лет, и что мы намерены туда переселиться. Тогда хозяина дома Ристе Ристевского арестовали и три дня держали в тюрьме, угрожая и требуя, чтобы он отказался от своего решения, но он остался тверд.

Когда разрушили храм в монастыре Св. Иоанна Златоуста в Нижеполе, СМИ говорили о том, что следующим будет наше здание, но все же его не стали рушить, так как не было совершенно никаких оснований. Предыдущий храм снесли как «незаконно строящийся», а наше здание было построено уже очень давно.

Чтобы никого не провоцировать, мы въехали сюда ночью, тайно. Много было

давлений и от соседей, и от государства, чиновники препятствовали тому, чтобы мы получили здесь прописку, а соседи – тому, чтобы смогли подвести электричество и водопровод. Но с большим терпением и помощью Божией мы это выдержали, и теперь стало легче, уже нет такого давления, как прежде.

Слава Богу, у нас есть храм, и мы служим. Верующие из Прилепа и других ближайших городов приезжают сюда. Много тех, кто перешел в Охридскую Архиепископию, не смотря на гонения.

Радость жизни, которую может почувствовать человек в расколе, не может даже сравниться с радостью жизни в канонической Церкви. Мы понимали, что наша монашеская и священническая жизнь не будет иметь смысла, если мы закончим ее в расколе. Самой большой проблемой было для нас то, что мы не имели евхаристического единства с другими православными, и когда посещали другие церкви, не могли участвовать в Литургии – подобно римокатоликам или еретикам.

Так что несмотря на все искушения, самой большой радостью является для нас то,

что мы имеем общение со всеми Православными Церквями, поддерживаем живое общение с нашими братьями из Греции, Сербии, Болгарии и всем Вселенским Православием. И больше всего мы ценим наши духовные связи с Афоном.

Это очевидное, осязаемое различие между тем, что было в МПЦ и тем, что мы имеем сейчас. Оно стоит того, чтобы немного потерпеть.

Внешне здание монастыря выглядит действительно как развалины, но внутри братья уже сделали ремонт двух из трех этажей, и лучше всего, конечно, отремонтировано помещение церкви.

В Лагово я провел три дня, отцы любезно познакомили меня с этой частью Македонии – мы посетили и город Прилеп, и Битолу, где между двумя мировыми войнами было много русских, а на богословских курсах здесь читали лекции иеромонах Иоанн (Максимович) и архимандрит Киприан (Керн); посетили также самый высокогорный город на Балканах – Крушево, колыбель македонской борьбы за независимость начала XX века, и, конечно же, Охрид, древнейший

центр славянского Православия, город со множеством храмов. Некогда их здесь было 365, и каждый был посвящен святым определенного дня, так что все святые в течение года поминались. Теперь осталось около 70-ти церквей.

Сильное впечатление оставляет Охридское озеро. Кажется, сама природа настраивает на молитвенный лад, и неудивительно, что знаменитые «Молитвы на озере» святитель Николай (Велимирович) написал именно здесь, когда был Охридским архиепископом.

В пути я спросил **иеромонаха Моисея** о монашестве канонической Церкви в Македонии, и батюшка рассказал следующее:

– Число монахов в Охридской Архиепископии растет, и большинство из них – молодцы. Желающие принять монашество проходят послушание от полугода до трех лет, но главное здесь не время, а качество отношений с духовным отцом и его благословение.

Мы живем в надежде, что кровь нашего архиепископа, страдания, которые он претерпевает в тюрьме, принесет духовный

плод в Церкви. Также очень важно для нас, что мы живем под окормлением афонских старцев. Можно сказать, что святогорцы возродили традиционное македонское монашество. Надеюсь, что следующие поколения монахов не будут иметь тех проблем, что есть у нас. Мы должны начать эту жизнь, а кто-то ее продолжит.

Самое важное, что в этот тяжелый период мы имеем любовь и единство между монашеством, мирянами и клиром. Гонения для нас – это не повод давать себе послабление и отказываться от каких-то особенностей монашеской практики, напротив, мы стремимся неотступно соблюдать все то, чему нас научили на Святой Горе.

Мы служим утренью, вечерню и повечерие каждый день, Литургию – четыре раза в неделю, начало богослужения в 8:00 – потому что верующие приезжают из ближайших городов, и мы должны это учитывать.

Мы посетили также резиденцию архиепископа Иоанна и монастырь Святого Иоанна Златоуста в Нижеполе. Именно здесь полиция снесла бульдозерами строящуюся церковь.

– Вот все, что осталось, – говорит настоятельница **матушка Олимпиада**, показывая на основание столба. – Но мы не отступимся. Сейчас, к счастью, появились жертвователи из Греции, которые помогают нам строить новую церковь.

Помимо разрушения храма, сестрам довелось пережить и разбойные нападения со стороны раскольников.

Так, когда здесь проходило заседание Священного Синода Охридской Архиепископии, оно закончилось поздно. Около 24:00 владыки Иоаким и Марк уехали в Битолу, а около 1:00 – за ними последовали владыка Иоанн и отец Давид.

В Воскресенской церкви Битолы их встретил епископ Марк, который рассказал, что ему звонили монахини и с плачем поведали, что сразу после отъезда владыки Иоанна к ним ворвались люди в масках и с автоматами, украли церковные предметы – антиминс, потир, а монастырский дом облили бензином и подожгли.

Но чудесным образом пламя сразу же погасло, не причинив почти никакого вреда, только немного обгорел коридор возле входа.

Налетчики остригли сестер и принялись выпытывать у них, где прячется архиепис-

коп. Они не верили, что Владыка уехал, так как, по их словам, день и ночь они караулили монастырь, из которого никто не выезжал.

Представившись спецподразделением полиции, и самыми великими патриотами, они кричали, что им нужен именно архиепископ Иоанн, и что они пришли с ним разобраться. Наконец, они ушли, решив, что владыка Иоанн сбежал пешком в лес, через черный ход, в то время когда они вошли. Эти люди никак не могли поверить, что не увидели выезжающей машины архиепископа.

Так Господь закрыл глаза злодеям, и спас владыку Иоанна, которого, возможно, они даже хотели убить.

Немало довелось мне общаться во время моего паломничества и с простыми верующими Охридской Архиепископии. Некоторых из них Господь сохранил от преследований, но другие испили горькую чашу.

Например, **Мефодий**, работавший при монастыре в Лагово, еще недавно был архитектором, и более шести лет восстанавливал храмы и монастыри в Прилепском районе Македонии. Но однажды ему позвонила его начальница и по телефону сообщила,

что архиерей МПЦ приказал ей уволить Мефодия из-за того, что он помогает отцу Софронию. Она предложила ему отказаться от помощи священнику и сохранить работу. Но Мефодий ответил: «Отец Софроний – мой духовник, и я не могу менять его, как перчатки». И тогда его выгнали с работы.

Стоит напомнить, что в целом македонцы живут очень бедно, особенно в провинции, и найти здесь работу крайне непросто.

Проезжая небольшой городок Ресен, мы встретились с местными прихожанами канонической Церкви, которые устроили нам прекрасный прием. Мне запомнился разговор с женщиной по имени **Ягода**. Она вдова, ее муж умер два года назад. У нее двое детей, а еще она взяла на воспитание дальнего родственника – ребенка с синдромом Дауна, родителей которого убили. Едва она перешла в каноническую Церковь, ей отказали в пособии, соседи насмеялись над ней, а когда она посетила могилу своего мужа, местный раскольничий священник прогнал Ягodu с кладбища, говоря, что муж ее в аду, из-за того, что она перешла в Охридскую Архиепископию, и если она еще раз придет сюда, он вызовет полицию.

– Я всего лишь простая мирянка, – пыталась возражать она, – но даже я чувствую благодатность служб в Охридской Архиепископии, чего не было и нет в МПЦ. И единственное, о чем я сейчас жалею – что я так поздно пришла в каноническую Церковь и что столько лет до этого жила в расколе.

Общаясь с этими людьми, я нередко задумывался, – а смог бы я на их месте поступить так же? Хватило бы сил и мужества?

Пример стойкости в вере, который являются наши македонские отцы, братья и сестры во Христе, исповедники наших дней, думаю, может принести немалую пользу для современных православных, живущих в России.

Что же касается положения в Македонии, то гонения, которые устраивает МПЦ против Охридской Архиепископии – это самая большая ошибка из всех, что совершили раскольники. Ибо все христиане знают, что Апостолы – ученики Христа – никого не притесняли и не сажали в тюрьму, но, напротив, сами были притесняемы. Апостол Павел, который сам подвергался незаконным арестам, писал: «*Подражайте мне, как я Христу*» (1 Кор. 4, 16). И после ареста владыки Иоанна ясно видно, что тот, кто в

Македонии подражает апостолу Павлу и есть истинный ученик Христа. Теперь для всех в православном мире очевидны пагубные плоды раскола на примере столь нехристианского поведения македонских иерархов.

То, что МПЦ начала гонения, показывает ее внутреннюю слабость. Раскольники не чувствуют в себе силы отстаивать свою правоту христианскими, мирными средствами, а значит, – они сами не уверены в ней. Каждый виток гонений против Охридской Архиепископии – это духовный удар по самой МПЦ. И если они не покаются, то дадут за это ответ на Страшном Суде, когда ни светская власть, ни полиция не защитит их перед лицом Истины.

Нам же, видя страдания наших братьев и сестер, надлежит сугубо молиться и о владыке Иоанне, и обо всех верных чадах Церкви в Македонии.

К сожалению, до сего дня мало кто в России знает о положении Охридской Архиепископии Сербского Патриархата. Мне даже доводилось встречаться с людьми, которые повторяли раскольничью пропаганду – что будто бы Охридская Архиепископия – это виртуальная Церковь, что в ней

всего два-три человека и те родственники – архиепископа Иоанна.

Я знал, что это неправда, но даже я удивился, когда увидел, что каноническая Церковь здесь – полнокровная и зрелая Церковь, со многими приходами, монастырями, издательской деятельностью, тысячами верных.

Я нигде не видел столь высокого процента активных, благочестивых молодых прихожан. Возникло ощущение, что вся православная молодежь Македонии ушла из МПЦ. Это видимое свидетельство того, что будущее за Охридской Архиепископией. У них нет случайных людей, номинальных христиан – все, кто приходит на Литургию, знают, зачем пришли.

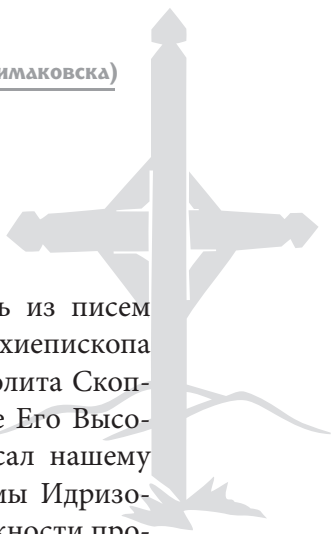
В Охридской Архиепископии я увидел Церковь в таком состоянии, которое было известно мне из трудов древних святых отцов – до Миланского эдикта святого Константина. Это уникальный опыт.

Все то время, что я находился в Македонии, меня не отпускало ощущение, что «миланский эдикт» для Охридской Архиепископии не за горами. Пока же – будем молиться и, в меру сил, помогать нашим гонимым братьям и сестрам во Христе.

10 ноября 2006 года

Пролог

Эта книга сложилась из писем Его Блаженства, архиепископа Охридского и митрополита Скопского Иоанна, которые Его Высокопреосвященство писал нашему сестричеству из тюрьмы Идризово, где он в общей сложности провел почти два года. Мы просили Владыку описать нам тюремные условия, в которых он свидетельствовал о вере и церковном духе, чтобы иметь возможность хотя бы отчасти сострадать Ему в Его мученичестве. Но если архиепископа Иоанна и подкрепляли наши сострадательные молитвы, то в значительно большей степени Владыка утешал нас своими письмами, которые, после выхода на свободу, он немного подредактировал и благословил их опубликовать.

Очевидно, что по форме это не классические письма, но тексты, имеющие вид эссе. Примечательно то, что написанные в неволе, где архиепископ оказался совершенно безвинно, затронутые им темы не сводятся лишь к остро политическим или объективно-историческим. Конечно, письма не лишены историчности, но их смысл значительно глубже, шире собственно описания тюремной жизни. Архиепископ не хотел утешать нас тем, что утешить не могло. Ибо, поистине, как можно кого-либо утешить фактически описанием жизни в заключении? Человека нелегко утешить даже описанием этого мира, ведь в некотором роде и весь мир есть также тюрьма для человеческого духа, который ищет безграничную свободу. Он хотел утешить нас чем-то другим, а именно тем, единственным, чем только и может утешиться человек, – богословием Святой Троицы.

Итак, мы считаем, что эти эссе, наполненные смыслом непреходящего характера, переживут все реконструкции тюрьмы Идризово, и все улучшения условий жизни заключенных. Они будут актуальны и тогда, когда, если Бог даст, заключенные в Идризово заживут в гуманных условиях, чего пока

не случилось. И, прежде всего, потому, что в этих текстах главным мотивом было не описание фактов из которых складывается ад, называемый Идризово, и не сообщение о ситуации и отношениях в тюрьме, но желание преобразить этот ад, просветить и одухотворить тех, кто еще с коммунистических времен был лишен духовности. Поэтому автор не упоминает здесь имен и даже избегает ассоциаций с конкретными личностями.

С разрешения Его Блаженства мы определили, что книга будет называться «Свободен в неволе». Это название статьи, которую архиепископ издал в одном еженедельнике, сразу после освобождения из первого заключения в 2003 году. На наш взгляд оно лучше всего отражает состояние автора, чьи дух, мысль и богословие не поработила тюрьма...

Ради призвания к служению, которое мы несем в Церкви, нам не прилично комментировать то, что написано архиепископом «кровью и слезами», но пусть нас простят за то, что мы хотим от души порекомендовать эту книгу всем: церковным и нецерковным, образованным и неученым, мирянам и клирикам, богословам, ибо в этой книге, в за-

висимости от духовного возраста, каждый из нас найдет для себя нечто полезное. Мы не преувеличим, если скажем, что с помощью этой книги христианин сможет увидеть себя и свои отношения с Богом и Церковью, а также со всем тем, что до Второго пришествия Христова существует вне Церкви.

*Настоятельница ставропигиального
монастыря Св. Иоанна Златоуста монахиня
Олимпиада (Мижимаковска), с сестрами*

Великие патриоты
•
Девальвированное право
•
«Восьмое крыло»
•
Философ-наркоторговец
•
Отцовская пасха
•
Несправедливо осужден
•
Ошибка

Архиепископ Охридский и митрополит Скопский ИОАНН (Вранишковский)

Великие патриоты

Спустя несколько месяцев после того, как я впервые попал в тюрьму, я был вынужден дать первую апологию*. Комиссия, состоящая в основном из тюремной администрации, собралась специально для того, чтобы констатировать мою политическую непригодность. С помощью перекрестного допроса ее члены намеревались составить протокол с моими ответами.

– Почему ты нас предал, поп? – спросил один из них. Голос его звучал решительно, даже грозно. Я не мог определить, кто из присутствующих имел более высокое звание, по сравнению с остальными. Все они были одинаково одеты, а я уже привык к любому человеку в форме обращаться «командир».

---

* Апология – защитительная речь или защитительное сочинение, направленное к оправданию или защите кого-либо или чего-либо. С древнейших времён до нас дошли апологии, написанные или произнесённые древними мучениками в защиту христианской веры. Здесь и далее примечания переводчика. – *Примеч. диакона Георгия Максимова.*

– Это не поп, а заключенный! – раздалось из другого конца просторного и слабоосвещенного помещения, куда меня привели на допрос.

Я чувствовал себя хуже, чем когда меня судили. Тогда атмосфера была иной. Я мог защищаться. Был даже шанс, что меня оправдают. А сейчас я осужден, заключен, снова оказался перед судилищем. Вероятно, я был в такой же ситуации, как заключенные, которые, находясь в тюрьме, совершили некое преступление, за которое их снова подвергали суду. Я уже знал о тех, которые таким образом получили еще несколько лет к своему сроку.

Откровенно говоря, мне было неприятно. Сразу же вспомнились все рассказы, которые я слышал от сокамерников. Например, что если не понравишься командирам, тебе могут подбросить оружие, наркотики или украденные вещи, и так заработаешь прибавку к сроку. В лучшем случае отделаешься лишь «хорошими» побоями, одиночкой или изолятором.

Глядя в глаза «командира», я ответил:

– А кого я предал?

Лишь позднее я понял, что это Бог промолвил вопреки моей немощи. После всего,

что пронеслось в моей голове в тот миг, я ответил, и голос не дрогнул.

– Ты предал македонство, – неуверенно, смутившись, ответил тот же офицер.

– Каким же образом? – спросил я.

– Тем, что стал сербским Экзархом, – сказал офицер, сидящий за моей спиной.

Члены комиссии сидели вокруг по периметру помещения, я же находился в центре.

– Чтобы вы знали истину, скажу вам, что с мая этого года мой церковный титул архиепископ, а не Экзарх. Но и пока я был Экзархом, я был не сербским, но Экзархом Его Святейшества Патриарха Павла. Экзарх означает наместник на некой территории на определенное время. Можно быть Экзархом только некой личности, а не всей нации. Вообще в Церкви нация имеет второстепенное значение.

– Как же второстепенное, когда все Церкви национальные: Сербская, Болгарская, Греческая? – вмешался еще один человек, о котором я вскоре узнал, что он из Управления по безопасности и контрразведке Республики Македония.

– Это одна из проблем в Православной Церкви, хотя и не существенная. Она воз-

никла в XIX веке, когда балканские народы освобождались от турецкого ига, образовывали Церкви на территориях национальных суверенных государств. До этого древние патриархаты и архиепископии носили только названия городов, в которых пребывал первопрестольный епископ. Так и доньше сохраняется: Константинопольский, Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский Патриархаты. С другой стороны, этнофилетизм*, который появился в XIX веке, был осужден в 1872 году, на Поместном Соборе в Константинополе**, когда было прекращено общение с Болгарским экзархатом,

---

* Этнофилетизм – тенденция в поместных православных Церквях приносить общественные интересы в жертву националистическим, племенным. Осужден как ересь на Поместном Константинопольском Соборе 1872 г. – *Примеч. ред.*

** Из постановления Константинопольского Собора 1872 г.: «Мы отвергаем и осуждаем племенное деление, то есть племенные различия, народные распри и разногласия в Христовой Церкви, как противные евангельскому учению и священным законам блаженных отцов наших, на коих утверждена Святая Церковь и которые, украшая человеческое общество, ведут к Божественному благочестию. Приемлющих такое деление по племенам и дерзающих основывать на нем небывалые доселе племенные сборища, мы провозглашаем, согласно священным канонам, чуждыми Единой Кафолической и Апостольской Церкви и настоящими схизматиками». – *Примеч. диакона Георгия Максимова.*

образовавшемся на национальной, нецерковной почве.

В тот миг, пока я это говорил, в голове у меня промелькнула мысль: поймут ли они меня. В последние годы, еще до моего заключения, мне часто случалось говорить о национализме не как о проблеме Церкви, а как о проблеме людей нецерковных, которые приходят в Церковь только потому, что боятся будущего. Однако в конце моих объяснений разные люди почти всегда задавали еще один вопрос: «Но когда уже существуют Сербская, Русская, Греческая, Болгарская, почему не может существовать и Македонская Церковь?» Этот же вопрос задал мне и тот человек в гражданском, которого я упомянул выше. Никогда до сего момента я не ощущал такую тяжесть при ответе. Оттого, как он мог быть понят, зависело и мое будущее и условия моего пребывания в заключении.

Я ответил ему очень осторожно, но, как мне кажется, точно:

– Важнее другое: а если в том случае, когда Церковь в Республике Македония не назовется македонской, можно ожидать, что в обозримом времени ни Церковь в Сербии

не назовется сербской, ни в России – русской, ни в Греции – греческой, ни в Болгарии – болгарской? В таком случае, с великой надеждой отвечу вам, что в обозримом времени исчезнет национальное определение перед именами некоторых Православных Церквей*. Всякий процесс требует времени, но Церковь Божия живет в вечности. Что в вечности значит, какой год раньше или позже? Можно вспомнить, как великие события в Православной Церкви совершались

* Строго говоря, современное обозначение Поместных Церквей, получивших автокефалию во втором тысячелетии, также имеет именно территориальный, а не национальный смысл. Таким образом, например, наименование «Русская Православная Церковь» имеет значение «Церковь, располагающаяся на территории под названием Русь», а не «Церковь русских». То же следует и из титула её предстоятеля – «Патриарх Московский и всея Руси», а не «...и всех русских». Это видно и из названия таких Поместных Церквей, как, например, Православная Церковь Чешских земель и Словакии, Православная Церковь в Америке. Однако владыка Иоанн совершенно прав в том, что наименования Церквей значительной частью людей стали пониматься не в территориальном, а в национальном значении. Что же касается Македонии, то там под воздействием этнофилетических настроений, национальное стало единственным пониманием. В данном случае слова архиепископа можно понимать как надежду на грядущее избавление от этнофилетической интерпретации наименований Поместных Церквей. – *Примеч. диакона Георгия Максимова.*

по инициативе людей, которые происходили с территории нынешней географической Македонии. Какую качественную перемену вызвала миссия святых братьев Мефодия и Кирилла, мы понимаем и уважаем сегодня, но многие их современники противились им. Святой Мефодий был даже заключен в тюрьму.

– Хочешь сказать, поп, что и ты будешь как святой Мефодий? – саркастично бросил командир, который до того несколько раз расспрашивал, что я говорю заключенным в тюрьме. Может быть, ты пророк, а мы, македонцы, и не знаем, что нас посетил Божий человек?

– Нет, я не пророк и не сын пророка. Но я епископ и поставлен рукою Бога Живого. То, что я говорю, – не пророчество и не новое откровение. Это может знать всякий, кто имеет веру, что Церковь прежде всего Божия, а уже потом человеческая, кто имеет надежду, что Бог не оставит Церковь, и всякий, кто обладает богословским пониманием церковной истории. Факт, что жители на территории Македонии приняли христианство на самом раннем его этапе. И многие города на этой территории, еще со времен

Византийского императора Юстиниана имели епископские кафедры. Точно известно, что и сам святой Юстиниан происходил из Македонии. Факт, что эти земли во время великого Константинопольского Патриарха Фотия находились в составе Византийской империи, когда из них вышли славянские просветители. Великие победы исихастов в XIV веке, которые явились великой победой Православия, случились также на македонских землях. Так почему же не верить, что и преодоление всех видов этнофилетизма начнется сперва на территории Македонии?

– Потому что этого не примут македонцы! – снова сказал человек в гражданской одежде.

– Я и не говорю так, как если бы имел намерение купить голоса на выборах – ответил я. – Я не политик, вынужденный говорить только то, что нравится народу и ожидающий подтверждения своих обязательств от избирателей. Я епископ, и объявляю открытую Богом истину. А истина в том, что я только что упомянул. Рождаясь, человек получает биологическую идентичность. Никто не спрашивает его, хочет ли он быть мужчиной или женщиной, происходить из

богатой или бедной семьи, иметь тот или иной цвет кожи или глаз. Вообще никого из нас не спрашивают о том, хотим ли мы появиться на свет, не говоря уже о том, какой нации желали бы принадлежать. Эту идентичность, которую мы получаем с рождением, я называю биологической и невольной, которую нельзя изменить. Смерть есть составная часть, лучше сказать, «последняя остановка» этой идентичности. В отличие от этой невольной идентичности, которая характерна своей неизменностью, человек имеет возможность выбрать новую идентичность как произвольную его свободы. Последняя остановка или цель этой идентичности будет не смерть, а жизнь вечная. Смерть – это наибольший враг людей. Она порабощает человека с первого дня его жизни. Поэтому настоящая свобода совершает победу жизни над смертью. Но в биологической идентичности это невозможно. Нужно изменение идентичности. Новую идентичность, которую мы принимаем свободно, и чья цель – жизнь вечная, я называю церковной идентичностью.

Все это я произнес на одном дыхании. Оно вырвалось словно взрыв бомбы, кото-

рый невозможно контролировать. Все это было выражением того, что я много раз в жизни утверждал, так что стало частью меня, того, что я много раз повторял перед более или менее духовно-ориентированными людьми, перед моими чадами, и теми, кто лучше знал пользу свободы и вечной жизни. Но сейчас я говорил тому, кто поставил задачу всему возражать, всем пренебрегать, отрицая даже то, чего не понимал, не желал и ни во что не верил.

То, что я сказал, для меня звучало убедительно, однако я понимал, что такое мнение субъективно. Поэтому я старался употреблять простые слова для этих глубоких и существенных истин веры, которой я служу. Мне казалось, что для кого-то осталось неясным мое объяснение биологической и церковной идентичности, но в то же время я не услышал очередной серии вопросов. Можно было подумать, что сказанное мною вызвало у присутствующих интерес и побуждение обратиться к другой реальности, реальности истинной свободы, о которой, как я был убежден, тоскуют и они, независимо от того, что дважды поработаны – во-первых, смертью, как и всякий человек, а

во-вторых, добровольно подчиняясь службе, которую несут.

Раздался жуткий, общий смех. Один толстый и низкий человек, у которого живот доходил почти до рта, промолвил с откровенным сарказмом:

– Да где та вечная жизнь? Ты веришь в вечную жизнь?!

Если бы я начал что-то объяснять о вечной жизни, то снова услышал бы тот же самый жуткий смех. Невозможно кого-либо привлечь к Царству Божию, если прежде он не ощутил призыв от Бога, или если добровольно воспротивился этому призыву. Но даже те, кого призвал Господь, если слабы в вере, бывают подвластны духовному террору одного невера, готового плевать на святыни. Тем более в ситуации, в которой я оказался. Это был не разговор о духовных делах, а попытка унижить меня. При таком неравноправии мне оставалось лишь кратко ответить:

– Да, верю.

На мгновение воцарилась тишина! Не знаю, был ли такой ответ ожидаем, или нет, но хотя бы на миг нарушился порядок и роль моих вопрошателей. Не верю, что они

ожидали от меня чего-то другого, и вместе с тем, было очевидно, что этот краткий и недвусмысленный ответ их крайне дезориентировал. В тот миг мне было непонятно, почему они вдруг онемели. Лишь позднее, когда я начал анализировать беседу, я понял, что мои слова были восприняты словно перчатка, брошенная в лицо.

В это время в комнату без стука вошел командир, которого я узнал еще в приемном отделении.

– Начальник, мятеж в здании! – сказал он быстро и испуганно.

Тут я узнал, что человек, который первым задал мне вопрос, не простой командир. Я не мог по одежде различить его чин, но он обнаружил себя, отозвавшись прежде других.

– Где? – сердито спросил начальник.

– Одни на крыше, другие у входных ворот, – все так же испуганно проговорил командир, известивший о бунте.

– В полном снаряжении будьте через две минуты у входа! Усильте обеспечение надзирателей. Смените дежурных на смотровых вышках. Вызовите пожарные машины! – резко приказывал начальник.

Он первым вышел из помещения. За ним остальные офицеры. Обо мне как будто забыли. Я остался с одним гражданским инспектором из Управления по безопасности и контрразведке. Когда я посмотрел в его глаза, то понял, что он чувствует себя неудобно. Кто-то другой должен был сказать, что мне делать, но все вдруг оказались заняты сложившимся положением, начиная от начальника и до последнего командира, который привел меня сюда из камеры. Инспектор же не властен был отдавать приказы, поскольку не принадлежал к тюремным служащим. И тут он с улыбкой и добрым тоном обратился ко мне, говоря:

– В конце концов ты победишь, однако для всех великих вещей нужна жертва.

Мне была знакома такая двуличность. Я часто попадал в ситуации, когда меня хвалили наедине, но если тот же самый человек оказывался в обществе богохульников, то, напротив, вел себя тенденциозно и злонамеренно.

Особенно в последние четыре года, когда возникли проблемы между Церковью и государством, большинство высокопоставленных функционеров (как, например, президент или премьер-министр), для личного

достоинства которых не было необходимости в двоедушии тем не менее проявили себя крайне грубыми и невежественными лицемерами. Чего же было ожидать от этих людей, которые заботятся о дальнейшем существовании коммунистического менталитета? Я чувствовал, что инспектор желает вызвать меня на разговор, но мое внимание было обращено на бунт возле здания. Хотелось знать, что там происходит и что предпринимают тюремщики.

Меня утомили однообразные разговоры с людьми, которые не имеют ни веры в Царство Божие, ни надежды на вечную жизнь, не говоря уже о любви ко Христу и Телу Его, то есть, к Церкви. Нужна евхаристическая жизнь, чтобы проникнуть в смысл единства, которое достигается в Церкви. Без этого всякий разговор заканчивается все тем же: почему, если уже есть Сербская, Греческая, Болгарская и Русская Церкви, не может быть и Македонской?

Глядя спецслужбисту прямо в глаза, я спросил:

– Можно ли мне выйти отсюда?

– Что меня спрашиваешь, ты можешь идти хоть домой! – ответил он с той же благодушной улыбкой на лице.

После этих слов я открыл дверь и вышел в коридор, где уже были слышны голоса бунтовщиков. Я прошел до конца тюремного здания и только там увидел, что командиры начали действовать: пластиковыми дубинами они жестоко били заключенных.

Оказавшись на свободе, я не был уверен в том, что мне следует продолжать путь по направлению к зданию, из которого доносились крики. И все же я приблизился к месту, где тюремщики избивали бейсбольными битами заключенных. Лупили, куда придется, не разбирая. Когда я обошел высокие березы, которые мешали мне смотреть на крышу здания, то заметил там заключенных, которые с криками бросали черепицу на тюремщиков. Тогда я сообразил, для чего начальнику понадобилась пожарная машина. Некоторые тюремщики уже стояли на крыше больницы, откуда вскоре направили водную струю на бунтовщиков, захвативших крышу основного здания.

Мелькнула белоснежная струя, и вот, из-за неожиданного удара сбоку, заключенные, стоявшие на крыше здания, ближе к крыше больницы, попадали на черепицу. Однако те, кто находился дальше, до кого не доста-

вала струя, не прекратили бросать черепицу. Подумалось, что с такими темпами они скоро разберут всю крышу. Тем временем над их головами появился вертолет, из которого выглянули спецназовцы в масках и с автоматами. Из-за вертолетного гула ничего другого не было слышно, но по тому, что некоторые из бунтовщиков начали падать, стало ясно, что по ним стреляют. Позднее я узнал, что стреляли резиновыми пулями. Так заключенные на крыше оказались довольно скоро усмирены. Спецназовцы по тросам спустились на крышу. Очень быстро, меньше чем за минуту, они обошли сбoku заключенных, которые продолжали сопротивляться тюремщикам. Бунтовщиков стиснули с обеих сторон и сопротивление оказалось бесполезным.

Все это походило на фильм. События развивались настолько быстро, что времени обратить внимание на все детали не оставалось.

Позднее мне вспомнились некоторые моменты, которые объясняли все происшедшее, но в ту минуту мне казалось, что я предал своих союзников по Идризово. Я видел, как заключенный из соседней камеры

получил удар битой по голове, как мой земляк из Битолы упал на крышу, сраженный выстрелами, как цыгана, который чаще всего дежурил у туалетов, спецназовцы били электрошоком.

Всего за несколько дней до бунта меня уговаривали стать его организатором. Тот самый заключенный из соседней камеры, которого я только что упомянул, и который сейчас являлся главой мятежа, еще месяц назад просил меня сделать это.

– Владыко, почти все в тюрьме уважают тебя, за исключением надзирателей и начальства. Даже воспитатели и албанцы послушают все, что ты им скажешь. Тебе нужно всех нас поднять на восстание, тогда мы точно сможем победить! – говорил он мне.

Многое из того, что я слышал от этого осужденного, было правдой. Как на воле, так и здесь, моими главными противниками и были представители власти. Тюремное начальство и надзиратели, поставленные властями, были, следуя полученной директиве, враждебно настроены и третировали меня безо всякой нужды. Вне тюремных стен, с народом, который слабо знаком с церковными вопросами, у меня не было никаких проблем. С теми, кто знаком – еще меньше.

Люди приходили в монастырь в Нижеполе, кланялись месту и руинам монастырского храма, который власти разрушили до основания*. Окропляли себя святой водой и спрашивали, когда начнется богослужение, чтобы придти на Причастие. Особенно же когда народ осознал, что раскольники, которые себя называют церковью, не имеют с ней ничего общего, не имеют благодати совершать Таинство Евхаристии, в великом множестве стали приходиться причаститься Животворящих Тела и Крови Христовых. Три наши церкви в Скопье, одна в Охриде, по одной в Прилепе и Куманово, и две в Битоле, не могли вместить всех, кто в воскресный день и в праздники желал участвовать в приношении «о всех и за вся».

Если вне тюремных стен и нашлись те, кто меня, под влиянием государственной политики, оскорблял и ругал, называя предателем или шпионом, в тюрьме таких не было. По крайней мере, явно никто из заключенных ничего подобного не выказывал. Все

---

* В октябре 2004 года власти с помощью бульдозеров до основания разрушили строящуюся церковь в монастыре Св. Иоанна Златоуста, насельникам которого и пишет владыка Иоанн. Подробнее об этом – в материале «Македонские исповедники наших дней». – *Примеч. диакона Георгия Максимова.*

смотрели на меня как на борца против власти, которая их осудила, и которую они ненавидели до глубины души. Они поддерживали мой бунт против неправды, которая многим была причинена как раз со стороны власти Республики Македония, и поэтому меня ободряли, призывая держаться и не сдаваться. Они радовались всякой поддержке, которую я получал от Православных Церквей и международных организаций. Именно по этому меня рассматривали как личность с наибольшим авторитетом, прекрасно подходящую для того, чтобы возглавить бунт в тюрьме.

А причина для бунта была следующая. Тюрьма в Идризово – это учреждение, которое не обеспечивает даже минимальных условий для соблюдения тюремных санкций. За неполный год здесь произошло два убийства в тюрьме, и за то же самое время трижды менялся директор. Как думали многие, власти хотели откупиться от убийств сменой директора. Надзиратели вели себя весьма самовольно, а последствиями такого хаоса стало появление оружия и наркотиков в Идризово. Продавцы наркотиков нисколько не конспирировались, а те, кто

были знакомы с торговлей, объясняли мне, что героин и марихуана в тюрьме шли дешевле, чем на воле. Когда меня позднее перевели в открытое отделение, мне показали место, удаленное метров на пятьсот от здания тюрьмы, где наркоманы покупали каннабис. Последствиями наркомании стало опасное распространение гепатита С.

Наркозависимые считали, что тюрьма – это их царство, чувствовали себя очень уверенно, поскольку здесь никто им не угрожал. Их никак не наказывали за употребление наркотиков. В тюрьме не было достаточного числа одиночек для применения строгих санкций, но даже если бы и были, с их помощью, увы, невозможно исправить наркоманов. Не знаю точно об их количестве, но не сомневаюсь в данных, которые добыл от надежных людей, утверждавших, что из 1250 заключенных, – наркоманов чуть менее половины. Я и сам слышал от тюремных врачей (но не нашей тюрьмы, а битольской), что каждый год тратится около 100.000 евро на покупку метадона для наркозависимых*.

---

* Метадон – синтетическое вещество из группы опиоидов, применяемое как анальгетик при абстинентном синдроме наркотической зависимости. В России метадон запрещен законом. – *Примеч. ред.*

Не знаю, как обстоит с этим дело в других тюрьмах, но здесь было страшно. Сама атмосфера, отвратительные стены, ржавые решетки, паутина и пыль по углам, вонь в туалетах, мрак в камерах и грязь на полу – все это не могло не действовать угнетающе на психику заключенных. Часто я думал, что нам устраивают такой психологический террор, который не только не способствует ресоциализации заключенных, а напротив, негативно настраивает и тех, кто имел здоровое отношение к обществу, но за мелкие преступления или судебные ошибки был вынужден провести определенное время в этой среде.

Это уже другая тема: сколько невинных людей, осужденных несправедливо, отбывают наказание в тюрьмах. Насколько развито взяточничество, и как при помощи подкупа тюремных служащих получают лучший тюремный статус... Может быть, такое происходит повсюду, может быть, и в тюрьмах развитых стран с помощью денег можно добиться лучшего тюремного статуса, но то, что я видел в Идризово, ужаснуло бы любого человека.

Питание было скудным. Дело не только в том, что пища была невкусной, как некто

сказал: «для заключенных такая и нужна», но и в том, что еду давали в очень небольших количествах. Негигиенично приготовленная и поданная, пища не вызывала ничего, кроме раздражения заключенных, делала их нервными и нетерпеливыми. За время моего пребывания в тюрьме никогда не давали ягод, пирога, или какого-нибудь десерта. Утром в 6 часов – суп, хуже, чем помой, на девяносто процентов выливаемый свиньям, потому что его почти никто не ел. В обед одна мясная вырезка, разделенная на двоих, вечером одно вареное яйцо и двести миллилитров йогурта*, произведенного на тюремном хозяйстве. Иногда вместо супа утром давали небольшой кусок маргарина с джемом, в обед одну банку сардин на двоих, то есть, по две рыбки на человека, так как в банке чаще всего было четыре рыбки. Вечером один кусок коровьего сыра, произведенного на тюремном хозяйстве, и один помидор или паприку.

С таким «обильным» питанием необходимо было работать по восемь часов ежедневно. Чуть не забыл: те, кто работал, получали еще ужин: джем или кусок сыра,

---

* На Балканах этим словом называют сметаноподобный напиток. – Примеч. диакона Георгия Максимова.

иногда и чашку йогурта. Сумма затрат на питание одного заключенного выходила меньше одного евро в день. Одежда, которую мы носили в камерах и на работе, была взята из дома. Тюрма никому не предоставляет одежду. Месячная «зарплата» составляла восемь евро.

В общем, условия в тюрьме были невыносимыми, и из-за этого назрел бунт. Я и сам хорошо понимал причины бунта, но ни епископское служение, данное от Бога, ни христианская совесть не позволяли добиваться цели посредством революции. Чего достигли раскольники в Македонии в 1967 году, совершив церковный путч? Теперь они не имеют никакого авторитета среди Православных Церквей, оказались изолированы, и в атмосфере изоляции среди их лжеепископов только умножились аморальное поведение и небрежение о Церкви.

Поэтому я не согласился возглавить бунт, но сейчас, когда он был подавлен, как тяжело мне было из-за того, что я не участвовал! Буду искренен, я чувствовал себя малодушным и недостаточно храбрым, но в то же время меня вскоре охватило и высокоумие о себе: «А если бы я был организатором,

удался бы бунт?» Как мне показалось, я быстро переборол себя. Смирила меня вера и знание, что Христос изменил мир не бунтом, революцией и насилием, но терпением и страданием, схождением во ад и Воскресением.

Девальвированное право

Необозримое равнинное пространство у реки Вардар – как известно, плодороднейший край Республики Македония. Почти сто пятьдесят гектар первостатейных орошаемых земель, изъятых во время коммунизма, еще не возвращены владельцам.

Все эти земли обрабатывают заключенные открытого отделения в Идризово, хотя в его хозяйстве содержится всего полсотни коров и столько же свиней. Некогда, во времена коммунизма, хозяйство было большим. Тюремная администрация даже имела возможность продавать излишки молока, сыра, яиц, картофеля...

Я слышал от старых заключенных, чье пребывание здесь началось еще во времена коммунизма, что тогда так же «играла дубина», но наркотиков в тюрьме не было.

Сайчас об этой тюрьме можно сказать турецким словом «башибузук»*. Нет ни поряд-

---

* Башибузук – от тюркского баш – «голова» и бузук, – «испорченный, бешеный», т. е., «сорви-голова». Башибу-

ка, ни дисциплины, ни гигиены. Всего один, даже поверхностный, взгляд на помещения и подсобные объекты подтвердит все это.

Рабочие здания больше походят на места, пострадавшие от бомбардировки, чем на помещения, где что бы то ни было производится. Это полуоткрытые ангары с обвалившимися стенами, которые из-за отсутствия средств годами никто не чинит. Пустые проемы в стенах, на которых сохранились остатки дверных косяков, свидетельствующие о том, что когда-то у этих руинированных объектов были деревянные двери. Большой привилегией считается работать в помещении, где на крыше не хватает всего нескольких черепиц, потому что во время дождя вода здесь льется только в одном месте, так как почти на всех объектах вообще нет крыши: она или сгорела, или никогда не чинилась. По некоей надобности заключенные сбросили черепицу, а зуб времени покончил с остатками деревянной конструкции, так что от крыши осталось только пугало для птиц. От ферм, на которых некогда было по тысяче кур и цыплят,

зуками называли солдат отрядов турецкой иррегулярной пехоты в Османской империи. – *Примеч. диакона Георгия Максимова.*

ныне остались лишь фрагменты стен. Сторонний наблюдатель может подумать, что здесь проходила линия фронта.

Все дела здесь будто прокляты. Видимо, в том нет ничего удивительного, если учесть, что у всех, кто здесь побывал, а через тюрьму прошло много людей, хотя бы однажды вырвались слова проклятия. Даже деревья тут напоминают призраков: кривые, с большими наростами на коре, они дополняют окружающую адскую атмосферу.

Стоя во дворе, я смотрю на дерево, большой ствол которого повалил один из заключенных, исполняя приказ начальства. Несколько дней назад тюремная администрация распорядилась срубить самые старые и красивые деревья возле открытого отделения. Рубили грубо, топором. Намучились заключенные, намучились и деревья. Позднее мы слышали о главной причине этого поступка. Это сделали, как говорят, из «соображений безопасности». Действительно, не было дня, чтобы кто-нибудь из заключенных открытого отделения не совершал побег. Вероятно, я был единственным, кому это никогда не приходило на ум. Для горьких пьяниц из числа заключенных сильным

соблазном было краткое расстояние от тюрьмы до соседнего кабака.

Для меня осталось загадкой, как может воспрепятствовать побегам вырубка всех старых деревьев, которые придавали хоть какую-то приятность окрестностному пейзажу тюрьмы и пусть небольшую, но свежесть, необходимую как самим заключенным, так и всему тюремному персоналу.

– Жалко! – негромко проговорил кто-то, бесшумно подойдя ко мне сзади.

В открытом отделении тюрьмы Идризово больше возможностей для общения между заключенными, чем в закрытом.

Я и сам в то мгновенье размышлял о том, как жаль, что срубили это старое, красивое и плодоносное ореховое дерево.

Я оглянулся. За моей спиной стоял человек, которого мне редко доводилось видеть. Он работал в каком-то тюремном магазине в Скопье. Уходил рано утром, и поздно вечером возвращался. Несмотря на столь долгий рабочий день, заключенные, которые каждый день выезжали в город, считались привилегированными. Вероятно, такими и были.

– Сегодня вы не на работе? – спросил я, немного удивляясь, как он сумел так бесшумно подойти ко мне.

– Сегодня, Владыко, 11 октября* – государственный праздник, так что не работаем.

Мне было немного неприятно, вероятно, из-за того, что я не знал, не разыгрывает ли меня этот человек, ибо до этого момента он никогда так ко мне не обращался, хотя во всех разговорах был учтив и весьма вежлив со мной. А еще потому, что я забыл про 11 октября. В церковном календаре, которым я пользуюсь каждый день, не отмечены выходные дни, установленные коммунистами. Так что я не впервые забывал про их праздники. Как бы то ни было, чувствовал я себя неприятно, хотя бы из-за того, что этот человек мог подумать, будто я здесь потерялся настолько, что уже не знаю «ни о пятнице, ни о святом дне».

– Видите, я забыл, – медленно и тихо проговорил я, глядя в землю.

– И я понемногу забываю этот великий праздник, – охотно ответил мой собеседник, глядя прямо на меня.

– Мне нужно было время, чтобы убедиться, что вас не смогли сломать, – продолжил он, понизив голос. – Я думал, что вас все же

---

* 11 октября в Македонии отмечается как «День партизан». – Примеч. диакона Георгия Максимова.

возможно чем-нибудь подкупить, что вы все же начнете «стучать» на заключенных, ведь почти все приходят к вам поделиться своей мукой. Но когда я прочитал ваши тексты на сайте Православной Охридской Архиепископии, когда сам увидел книгу с названием «Ради Грядущего Царства», и услышал кое-что о вас от некоторых верующих в Скопье, которых уважаю, то пришел к выводу, что вы весьма стойкая и духовная личность.

– Вы в самом деле привилегированны, раз каждый день ездите в город, – решительно перебил его я.

Теперь я смотрел ему прямо в глаза, надеясь, что мое желание окончить этот разговор станет для него очевидным. Сейчас мне было еще неприятнее, чем в начале беседы. Много раз в жизни я бывал в ситуации, когда доводилось слушать, как меня хвалят. И в таких случаях в качестве борьбы с гордыней, я останавливался на мысли: «Все, что делает человек, имеет источником Бога, и важно не останавливаться в добродетели, и не погубить себя на пути к вечному благодетию».

Сейчас я чувствовал потребность во всеохватном смирении. Хотелось и себе и

собеседнику сказать, что я лишь обычный заключенный. С большим вниманием, дабы не оказаться побежденным от диавола, который вполне был бы способен терпеть мое ложное смирение, я продолжил:

– Мне здесь сильно не хватает интернета. Конечно, он не может заменить близких мне людей, отсутствие которых я ощущаю еще острее, но мог бы пусть на краткое время, сделать их присутствующими при отсутствии. Это немного похоже на то, что делает икона. Ибо икона – это присутствие отсутствующего.

– Я не знаю об иконе, и в какой-нибудь подходящий момент хотел бы послушать, что вы думаете об этом, поскольку сам много раз задавался вопросом о смысле иконы. Но, как вы и сами сказали, интернет не только для меня делает отсутствующих присутствующими, но и меня делает присутствующим для отсутствующих. Точнее, в интернете я ничто, и все там может функционировать и без меня, но, с другой стороны, когда вхожу снова, то понимаю, что я часть множества, которое наполняет меня и которому я принадлежу. Все, что относится к этому множеству, касается и меня, хотя,

возникает моральный вопрос о том, нужно ли нам предоставлять себя в распоряжение множества.

– Все, что вы сказали, я бы, сформулировав несколько иначе, соотнес с Церковью. Смысл Церкви как раз в том, чтобы соединить многих воедино и явить единое собрание многих.

– И об этом мне хотелось бы послушать, – перебил меня собеседник. – Но сейчас я намерен затронуть другую тему. Увидев вас из окна, я быстро собрался и прибежал во двор, чтобы поговорить. Как я только что сказал, мне понадобилось много времени, чтобы решиться на эту встречу, и надеюсь, что вам ничто не помешает уделить мне внимание.

– С удовольствием стану вашим собеседником, – ответил я. – Вот уже несколько месяцев, почти каждый день я выхожу на прогулку. Врач советует мне больше ходить, говорит, что это помогает регулировать сахар в крови, проблемы с которым возникли у меня недавно.

– Значит, и у вас повышенный уровень сахара? Я тоже приобрел диабет за время неволи, а теперь уже сижу на инсулине, –

с болезненной гримасой сказал он. – Один неразрешимый вопрос не дает мне покоя, – продолжил мой собеседник. – Уже давно я почувствовал, что пока не решу его, не смогу жить спокойно. С тех пор как меня осудили без всяких доказательств, впрочем я действительно не участвовал в том преступлении, которое мне инкриминировали, я непрерывно ношу в себе этот вопрос: есть ли вообще правда? Скажу вам честно, я был преступником и много раз нарушал закон, но того, за что оказался в тюрьме, клянусь вам, не совершал. А меня приговорили к пяти годам.

Я заметил, что у него в глазах блеснули слезы, которые он, наверное, хотел бы скрыть, по крайней мере, стеснялся их. Это был высокий и сильный человек лет сорока, с выразительными чертами лица, которые выдавали в нем решимость. Волнение, которое он ощутил в эту минуту, очевидно, застало его врасплох. Наконец он сказал:

– Простите за слезы.

– Да утешит вас Господь Бог, – ответил я.

– Как Он меня утешит, когда я уже много времени зол на Него? – спросил он. – Мою веру в Бога я получил от бабушки, которая научила меня молиться. Помню, как еще

ребенком каждый вечер я молился Богу. И позднее, когда начал нарушать закон, не переставал Ему молиться. После всякого успеха в тех криминальных делах я был уверен, что Бог помогал мне. И тогда я еще больше любил и почитал Его. Снова и снова я убеждался, что Он существует и помогает мне. Даже когда меня хватали и отправляли под суд за какое-нибудь очередное деяние, я был готов благодарить Бога, так как знал, сколько раз Он спасал меня, что, может быть, я должен хотя бы однажды и отплатить за это. Но то, что со мной произошло сейчас – когда меня осудили за то, в чем я не виновен, столько лет сижу в тюрьме, когда моя жена сбежала с другим, оставив детей в сиротском приюте, когда умерли мои родители и не осталось никого из близких – это уже слишком. Так что у меня, после всех этих проблем появилась еще и та, что я поспорил с Богом.

– Считаю, что Бог меня ужасно наказал, – добавил он после тяжелого вздоха.

В тот миг я не мог понять, что для него было тяжелее: тот удар, который случился в его жизни, или то, что он открыл мне свою ссору с Богом.

– Даже несмотря на наказание за совершенные грехи, которое легло на мои плечи, я считал Бога справедливым. И любил Его.

Осмелев на миг, он посмотрел мне в глаза. Лицо его было красным от волнения.

– Но это подло. Когда я успокоился, женился, обзавелся детьми, могу даже сказать, что имел приличную зарплату для жизни на широкую ногу... Именно в этот момент Он покарал меня за старые грехи. И совершенно неожиданно для меня, нечестным способом, словно всадил нож в спину, за дело, которое я даже и не думал совершать.

Глубоко скрытая, запечатанная семью печатями набожность этого человека, с которым жизнь не шутила, все же была очевидна.

Духовное состояние, в котором он находился, позволяло ему нападать на Бога, пылать яростью и острить. Этот человек потерял многое, если не сказать все, но «нашел» Виновника своих несчастий. Но и после всего был впечатляюще вежлив по отношению к Нему. Не хулил, не ругал и не сказал ни одного непристойного слова. Или, может быть, он еще не высказал всего до конца? У меня промелькнула мысль о том, сколь

важно с малых лет быть введенным в тайну благочестия! Отсутствие духовного воспитания в раннем возрасте невосполнимо.

Об этом свидетельствуют и погубленные поколения времен коммунизма. Очень тяжело найти верный путь, если не получил направления в раннем возрасте. Человек, с которым я разговаривал, скитался по жизни и падал. Оставив тесный путь, он перебрался на широкий, ушел в пустыню греха, и все же ненамного удалился! Он вообще не сомневался, что Бог существует, не ставил вопрос о том, что Бог награждает или наказывает, любит или ревнует. Его вопрос заключался в следующем: почему Он несправедлив?

От столь суровых искушений нет иммунитета и у более благочестивых. Если жизнь дает им пощечину, если захлестывает буря несчастья, или тоска сдавливает сердце, если их любовь к ближним оказывается уязвленной, разве после всего этого их отношения с Богом не подвергаются испытанию, и разве не возникает у них мысли о том, что Он несправедлив и во всем виноват?

– Из всего сказанного не могу понять, почему вы решили, что Бог к вам несправедлив, – промолвил я.

Мой собеседник ждал, что я возьму инициативу в свои руки. Было видно, что ему тяжело дался этот рассказ. Он был готов слушать, а среди заключенных таких очень мало. И все же я подумал, что будет лучше, если он выскажется до конца. Разумеется, не из желания продемонстрировать собственное превосходство в минуту его боли, которую он признал еще в начале разговора.

Я хотел тем самым попытаться пробудить в нем сыновнее отношение к Богу, который любит, но и наказывает, дает, но и требует, помогает, но и оставляет, испытывая, всецело ли ты верен Ему... Чаще всего люди относятся к Богу только как к судьбе, который раздает наказания.

– Хорошо, может быть, я неправильно выразился о том, что Он ко мне несправедлив, но Он точно не помогал мне в том, чтобы со мной не поступали несправедливо! – ответил он.

– Мне кажется, вы недавно сказали, что Он много раз избавлял вас из ситуаций, когда вы заслуживали наказания? – напомнил я.

Я видел, что, в некотором смысле ставлю его в безвыходную ситуацию, однако в то же время я чувствовал, что именно так не-

обходимо было поступить. Этот человек стал мне близок, словно я знал его много лет. Я хотел расположить его к покаянию, а это неизбежно связано со смирением. Пусть со стороны это могло выглядеть, будто я желаю добить его, но намерением моим было помочь ему совлечься ветхого человека и облечься в нового.

– Верно, но почему я не угодил в тюрьму, когда это было необходимо? – спросил он, словно желая взыскать с меня за все. – Я не мог вернуть Ему долги, когда Он мне помог, не могу отомстить и сейчас, когда Он наказал меня. Мы не равноправны, Он может делать со мною, что захочет и поступать, как заблагорассудится.

– Подумайте, – сказал я ему, – Бог имеет силу помешать тому, чтобы мы были осуждены, когда мы невиновны. Не буду сейчас вдаваться в способы, которые Он может использовать, чтобы этого не случилось. Точно так же Он располагает большими возможностями помешать всем нам, когда мы делаем нечто противное Его святой воле. Но вы свидетель тому, и испытали на своей шкуре, что Бог не препятствует нам и не всегда наказывает, когда совершаем грех.

– Хотите сказать, что если я не верую, то свободен делать грех? – Лицо моего собеседника просветлело. Он смотрел на меня широко открытыми глазами, в которых светилось изумление, но не скорбь.

– Не только вы. Свободен согрешить и судья, который вас осудил, и те, кто осудили меня, но для меня дорого, что вы начали с себя. Евангелие обличает тех, кто не видят бревно в своем глазу, а разглядывают сучок в глазу другого. Понимание, что мы свободны грешить, связано с ответственностью за совершаемый грех. И от этого многим приходится тяжело, но слава Богу, что это так.

– Отче, Владыко, Вы действительно святой человек! Я столько в жизни стремился к свободе, вся моя беспокойная жизнь прошла в поисках свободы, все нарушения закона с моей стороны были желанием доказать себе и другим, что меня не сковывают барьеры и ограничения. И вот, сегодня я понял, что не являюсь рабом Божиим, вероятно, и сердился на Него из-за того, что смотрел на Бога как на Того, Кто ограничивает мою свободу. Все мои нарушения закона оставались без доказательств. Более того, такая роль мне нравилась. Без оглядки на существование ограничений я чувствовал

себя свободным, потому что имел возможность их обойти. Буду откровенен, думал даже, что Бог мне в том помогает. Но, когда я сам был несправедливо осужден, без каких-либо доказательств, за дело, которое, повторяю, не делал, то ощутил себя ущемленным. Только я упрекал за то не полицию, и не судей. Я много раз держал их в кулаке с помощью умственных способностей или, благодаря привлечению денег, которыми легко покупал и контролировал служителей закона. Я злился на Бога, и вовсе не из-за того, что Господь показал, что Он сильнее (для меня это было очевидно), а из-за того, что не ожидал, что Он покажет Свою силу через несправедливость. Вы помогли мне увидеть, как я заблуждался. Бог никогда не уничтожает свободу человека, и еще меньше действует посредством несправедливости.

У меня не было причин перебивать собеседника. Он начал сбрасывать с себя ветхого человека. Теперь нужно было еще немного усилий, чтобы помочь ему облечься в нового.

– Но, тем не менее, очевидно, что несправедливость существует. Не только в моем случае, ее можно встретить на каждом шагу, и при такой распространенности волей

неволей начинаешь думать, что человек не может быть ее источником, – промолвил он.

– Христианам давно известно то, что вы сейчас говорите, – сказал я ему. – Поэтому они и не интересовались, особенно в первые три века после Христа, перспективой развития государственного порядка. Они знали, что князь мира сего диавол, есть источник всякого зла и всякой несправедливости. Но знали и то, что мы здесь, в мире, только «проездом», что здесь нет правды, и что подлинный наш дом там, где наш Небесный Отец.

– Количество несправедливости, причиненное мне, – продолжил я, – и притом со стороны тех, кто должен был гарантировать справедливость, то есть, судов, возможно, превышает количество несправедливости, причиненной вам. Но Верховный и Последний Судия отличается от судей, которые осудили меня, и приговорили вас. Верховный Судия есть Господь Саваоф. Его суд для вечности, и один он справедлив. С другой стороны, приговор здешних судей зависит не только от их знаний и чувства справедливости, но и от их нравственности, или того, насколько они продажны и подвержены политическому давлению.

– Вы совершенно правы, – перебил меня мой собеседник. – Суд в Македонии полностью в руках богачей и политиков. И не потому, что так нам говорят из Евросоюза или США, но потому что это очевидно из нашей каждодневной реальности. И все же над всеми этими судьями, уничтожившими так много человеческих жизней своими приговорами, стоит один Верховный Судья, как вы сказали. Именно Он и приговорил того судью, который отправил вас сюда, в тюрьму Идризово*.

– Буду откровенен, – сказал я, – совсем не радуюсь его преждевременной смерти. Мы, христиане, учимся любить даже и врагов своих. Но тот человек не только несправедливо осудил меня, приговорив к тюрьме, но осудил и унизил Церковь, а Она есть Тело Самого Христа. А задолго до нас некто написал: *«Еще видел я под солнцем: место суда, а там беззаконие; место правды, а там неправда. И сказал я в сердце своем: “праведного и нечестивого будет судить Бог; потому что время для всякой вещи и суд над всяким делом там”*». (Еккл. 3, 16–17).

---

* Судья Мишко Тасковский скончался в своем кабинете вскоре после того, как приговорил Владыку к тюремному заключению (см.: «Македонские исповедники наших дней»). – Примеч. диакона Георгия Максимова.

«Восьмое крыло»

«Восьмое крыло» – это самая страшная часть ада, называемого Идризово. В действительности это верхняя часть тюрьмы, третий этаж старого здания, воздвигнутого во времена правления Тито. Глядя с высоты птичьего полета, строение выглядит как буква Т. Тюрьмы в бывшей Югославии, как правило, были построены в виде первой буквы прозвища Броза «Тито».

На этом третьем этаже, известном как «восьмое крыло», собраны так называемые «возвращенные», или рецидивисты. С такими людьми обращаются в тюрьме как с мусором, несмотря на то, что между ними есть и совершенно безвинно осужденные. По крайней мере двадцать из каждой сотни заключенных в тюрьме осуждены несправедливо. Есть они и в «восьмом крыле».

Если бы депутаты и граждане Македонии знали, как живут люди в «восьмом крыле», верю, им стало бы стыдно перед своей совестью и перед международным сообществом. Но народные депутаты бегут из этой

части тюрьмы как от чумы, хотя сама тюрьма состоит в ведении государства. Старейший заключенный, которого я встретил в тюрьме, появился здесь за двенадцать лет до меня, и утверждал, что за все время пребывания в тюрьме его не посетил ни один член парламента, ни один политик, за исключением одного бывшего депутата, который попал сюда как осужденный, и к моменту моего появления в Идризово все еще отбывал наказание.

Так, попав в этот пользующийся дурной славой отсек, он смог удостовериться в том, что происходит внутри. Тяжелый, удушающий смрад, который пробивается через замочные скважины металлических дверей, встречает тебя уже в коридоре. Шум как на футбольном стадионе слышится при поднятии металлического занавеса этой части ада. До того, как откроются двери представить, что тебя ждет внутри почти невозможно. Помещение располагается в виде буквы П. Узкий коридор с одной стороны огорожен металлическим забором, сразу за которым находится пустое пространство, сквозь него видно два нижних этажа. Заметно, что металлическая сетка тянется от

забора по всей протяженности коридора. Одним словом, место похоже на клетку для содержания зверей. Стены от потолка до пола здесь выкрашены в серый цвет темного оттенка. За дверью входящего ожидают лица движущихся скелетов с отсутствующим видом, без улыбок, изборожденные горестными морщинами. Почти все щербаты, без нескольких передних зубов, вероятно, потерянных от сильных побоев или нездорового образа жизни. Их руки – кости, обернутые кожей и венами.

Люди курят. Дым смешивается с прочим легко узнаваемым смрадом: запахом экскрементов. Туалет маленький, всего три кабинки на весь этаж, где размещено двести пятьдесят человек. Самое ужасное то, что нет ни капли воды. Если бы мне не было противно и отвратительно подробно описывать эту часть ада, думаю, что от такого описания вздрогнули бы и самые бесчувственные.

Туалеты в «восьмом крыле» – это одна открытая септическая яма, в которую летом не попадает ни капли чистой воды, только «переработанная» мочой заключенных. На этом я прекращу описание туалета.

В камерах от пятнадцати до двадцати пяти нар и столько же заключенных. Малень-

кое окошко, расположенное высоко над полом, едва пропускает свет, но до него не дотянуться даже рукой. Тем не менее, оно закрыто решеткой. Во всех камерах почти одно и то же. Всюду сидят или лежат люди, которые либо пребывают в «собственном мире» после принятия дневной дозы наркотика, либо переживают состояние ломки, потому что не имеют денег на дозу. Почти у всякого свой источник музыки, радио или магнитофон. Бывает, что все двадцать пять заключенных в одной камере слушают различную музыку. Невероятная мощь звучания заставляет усомниться в том, что ты находишься в тюрьме, а не в сумасшедшем доме. В некоторых камерах, удаленных от главного входа, непрерывно играют в карты. Каждый из игроков, едва по вине дежурного у двери их застучает кто-то из командиров, готов проглотить «зары» (карты), чтобы ничего не было найдено.

Я удивился, когда узнал, что тот, кто дежурит у дверей камеры, где играют в карты, может сознательно сдать игроков, надеясь получить за это какую-нибудь привилегию от начальства. За дежурство он получает немного денег от картежников, но чаще всего

этой суммы недостаточно даже на половину дозы. Если же он перед тюремным начальством проявит себя как хороший доносчик, то может рассчитывать на необходимую привилегию. Так обстоит дело в «восьмом крыле», в этом аду каждый враг другому. «Мой ближний это мой враг», – как сказал Сартр. Именно так считают в «восьмом крыле», где почти каждый мнит себя самым известным, самым сильным и самым успешным в своей криминальной специальности.

Когда поразмыслишь глубже, на ум приходит сравнение: «восьмое крыло» – это Македония, стиснутая на небольшой территории. Все грехи народа сосредоточены на этом малом пространстве, однако жители «восьмого крыла» лишь те, кто были пойманы на грехе. Вовсе не значит, что в Республике Македония именно столько убийц, сколько их сидит в тюрьме Идризово. Есть те, чьи убийства не раскрыты, а сколько тех, кто планировал убийство, и оно лишь в силу стечения обстоятельств не было совершено? Сколько тех, которые поссорились с родителями, братьями, соседями или друзьями до такой степени, что больше не желают иметь с ними ничего общего и даже

встречаться. Не есть ли и они некий вид убийц? Сколько тех, которые интригуют и клеветают против своих начальников или коллег ради получения материальной выгоды? Не являются ли они в большей степени жуликами по сравнению с мелкими воришками, жильцами «восьмого крыла»? Сколько людей только и ждут, пока ты повернешься к ним спиной, чтобы навредить, причинить боль, а ты при том и лица их не видишь? Не являются ли они разбойниками с более омерзительной маской, чем та, которую носили на своих лицах «восьмокрыльцы»? Наконец, разве нет бесчисленного множества мелких душ в Македонии, подобных тому шизофренику, сидящему перед дверью «картежного отделения», готового предать всякого, пусть даже и собственного родителя за мелкую добычу?

Когда поразмыслишь глубже, становится видно, что «восьмое крыло» – это Македония в миниатюре, а такое состояние прежде всего учинили раскольнические лжеепископы МПЦ. Простите за отвлечение, но я не закончил с «восьмым крылом», потому как сама жизнь там пишет романы.

Философ-наркоторговец

«Восьмое крыло» уже пять лет имело одного, для многих странного постояльца. По званию философа, с законченным образованием и всеми о том дипломами, но однако же наркодилера по профессии. Родом из Колумбии, он был женат на болгарке. Сотрудничал с турецкой мафией, а в Македонии его осудили на четырнадцать лет тюрьмы за хранение 110-ти килограммов героина. Этого наказания не коснулись амнистии, объявленные правительством Македонии, поскольку на продажу наркотиков амнистия не распространяется. Хотя ему оставалось еще достаточно срока, при общении в нем не было заметно нервозности или какой-то мрачности.

За пять лет, проведенных в тюрьме Македонии, он немного научился говорить помакедонски. Однако этого было недостаточно, и нам приходилось общаться на английском. Должен признать, по-английски он говорил лучше меня. Он знал его так, словно это был родной для него язык.

Остальные детали его жизни не стану упоминать. Не столь важно, сколько ему было лет, где окончил школу, сколько у него братьев и сестер, как его родители восприняли арест и осуждение своего чада...

Считаю, что для этого рассказа неважно, посещала ли его жена, есть ли у него дети и где он жил. Подобные данные, верю, есть в полиции, и для нее они представляют интерес. В личностном же отношении, о котором я намерен говорить подробно, подобная «биология и физика» имеют побочное значение. Не утверждаю, что они неважны, но просто непервостепенны. Первостепенна свобода воли для определения и движение к вечности. А по этому свободному самоопределению, философ был римокатоликом.

– Отче, – могу ли я так к вам обращаться, или хотите предложить другое обращение? – спросил он меня, когда мы встретились в первый раз.

– Мой сан – епископ, – ответил я, – но мне не помешает, если будете называть меня и «отче».

Первый раз случилось, что ко мне кто-то в тюрьме обратился на «Вы». Здесь, в Идризово, такой вид общения почти неизвестен.

По его акценту я смог определить, что он иностранец.

– Я знаю о вас, что вы несправедливо осуждены, как и я, – проговорил он глубоким и решительным голосом приятного тембра.

– Вы иностранец? – спросил я.

– Да, я из Колумбии, – ответил он и усмехнулся. – Нетрудно догадаться, за что я осужден. Четырнадцать лет я получил за то, что перевозил наркотики.

В тот момент я не нашел, что ему ответить. Наказание показалось мне слишком суровым, но я не мог подобрать слова для утешения. Мне казалось, что неточно сказанное слово было бы лишним и сомнительным, а с другой стороны, не узнав хорошо этого человека, я мог бы поранить его.

Не преувеличу, если скажу, что половина заключенных в Идризово была осуждена за торговлю наркотиками. Большинство из них и сами были наркоманами. Почти все, с кем я разговаривал до этой встречи, были необразованными людьми, и по характеру чаще всего невосдержанными сладострастниками и хотели зарабатывать самым легким из возможных способов.

Но мое первое впечатление от Колумбийца привело меня к заключению, что это не какая-нибудь мелкая душа. Позднее оно подтвердилось. Я рад был бы назвать его по имени, поскольку узнал его как личность, а всякая личность носит имя. Между тем, считаю нецелесообразным приводить здесь имена людей, с которыми встретился в Идризово, так что не стану называть и этого моего приятеля.

Мне представлялось неуместным спрашивать о том, как он воспринял меру наказания. А напоминать, что с таким количеством героина, какое упомянул мой собеседник, он мог миллионы людей сделать наркозависимыми, было бы еще неуместнее.

Он снова прервал тишину:

– Вы говорите по-английски?

– Надеюсь, – ответил я, – что смогу понять, если вы будете говорить.

Я сосредоточился на поиске повода, который бы мог позволить прерваться разговору, но Колумбиец снова взял инициативу в свои руки.

– Надеюсь, вы не подумали, что я шучу, когда сказал вам, что несправедливо осужден? – промолвил он, глядя мне прямо в глаза.

Забыл сказать, что это происходило во время нашей прогулки по кругу тюремного двора. Стоял сентябрь, было еще тепло, тянулись поздние послеполуденные часы. Солнце временами скрывалось за редкими облаками. Мы шли рядом, так что я мог видеть его лицо с выразительными сильными скулами, ворот и небольшую часть груди. Черты лица были правильными. Рот изогнут в доброй улыбке. А из глаз смуглого Колумбийца светилась радость.

Направленный на меня взгляд, заставил меня остановиться. Я искал ответ в его лице. Время нашего знакомства было столь кратким, чтобы на поставленный прямо вопрос, я мог бы дать прямой ответ. В тюрьме можно встретить людей самых разных характеров. От нарциссоидных, самовлюбленных индивидуалистов, которые думают, что весь мир крутится вокруг них, до тихих, меланхолических и совершенно шизофренических особ, которые не знают, что с ними происходит. К каждому из них у меня был свой подход, но ответ почти всегда был готов еще до того, как был задан вопрос. Но очень простой, на первый взгляд, вопрос Колумбийца застал меня врасплох.

Спросить: «А разве вас приговорили по ложному обвинению?», – казалось мне чересчур простым. Даже с доказанной виной наркодилеры в Идризово говорят, что их подставили. Голос и выражение лица Колумбийца не внушали мне уверенности в том, что такой ответ не обидит его.

– Уверен, вы слышали, что большинство сидящих в тюрьме считают, что осуждены несправедливо? – осторожно сказал я ему.

– Это не только в этой тюрьме, так во всех тюрьмах мира, – промолвил он, снова глядя мне в глаза.

– Вам доводилось отбывать наказание и в других тюрьмах?

– Да. В Амстердаме и в Брюсселе. Но и тогда я был несправедливо осужден.

– Имелись ли какие-то доказательства, на основании которых вас осудили?

– Имелись, как же без них! В Амстердаме мне дали часть общего срока и определили небольшое наказание, один год; а в Брюсселе я находился в тюрьме по предварительному заключению три месяца, но суд не смог доказать, что наркота, найденная в купе поезда, в котором я ехал из Парижа, принадлежит мне. Тогда меня взяли с пятью килограммами кокаина.

– Последняя партия, за которую осудили Вас в Македонии, была самой крупной? – спросил я.

– Нет, перевозил и больше, – ответил он спокойно, не выказывая при этом какой-либо гордости.

Сейчас я был рад, что не задал глупого вопроса, не подбросили ли ему наркотики. Очевидны были две вещи: человек не скрывал, что наркотики принадлежали ему и что его несколько раз сажали за их хранение. С другой стороны, он не гордился тем, что много раз перевозил наркотики. Он отзывался об этом так просто, как будто это было самое нормальное занятие.

– Меня осудили за «разжигание национальной и религиозной ненависти, вражды и нетерпимости». Приговор подтвердил апелляционный суд, и вот теперь я в тюрьме. В коммунистической Югославии это квалифицировали бы как совершение «словесного преступления», ибо тот закон предусматривал преступление словом. Сейчас, когда «словесное преступление» удалено из уголовного закона Республики Македония, то, за что меня осудили, не является преступлением. Однако судья получил приказ от

власти осудить меня, не имея для того оснований ни в одном пункте закона. Поэтому я считаю, что осужден несправедливо, но, если вы признаете, что вас взяли с наркотиками, то мне трудно понять, почему вы считаете себя несправедливо осужденным.

Закончив вопросом, я снова почувствовал, что поставлен он как-то неловко. Мой собеседник выглядел спокойным. Я боялся, что последние мои слова могут быть истолкованы им как проявление превосходства. Хотя все было сказано точно и искренно, это могло прозвучать надменно, как наслаждение своим мученичеством.

– Наши дела очень похожи, отче: в обоих случаях не было состава преступления!

– Как же это? – вырвалось у меня.

– Перед неверным законом вы не совершали неверного дела, а я перед Божиим законом не совершал греха или какой-либо несправедливости.

Теперь мне нужно было как следует сосредоточиться, чтобы лучше понять его ответ. Это напомнило мне нечто, что я носил в своей памяти как проблему, которую никогда не решал до конца из-за недостатка времени, повода и собеседника, или чего-либо

еще. Сейчас повод у меня был, и я не хотел его упустить.

Быстрый обзор моего знания Закона Божия не предоставил мне возможности дать негативный ответ. Я не смог вспомнить, где в Священном Писании упоминаются наркотики, и тем более, где они запрещены, или хотя бы не рекомендованы к употреблению, а также к производству. Ни Ветхий, ни Новый Завет не затрагивают тему наркомании. Святые отцы Церкви также нигде не касаются этой проблемы. Мне пришло на ум лишь воспоминание о том, что когда-то давно, некоторые из наших предков будто давали немного мака младенцам, чтобы они не плакали. Женщина, у которой на попечении было пятеро или семеро детей (а сверх того обязанности по жатве или другим сельскохозяйственным работам), давала маленьким детям немного семян мака, приготовленных по особому рецепту, чтобы они были спокойны и не мешали своим криком. В наше время мак запрещен для выращивания и торговли не только в Македонии, но и в большинстве стран мира. Итак, если разобраться, наши предки использовали в некоторых дозах мак, который сегодня используется для производства героина.

– Вы, конечно же, знаете, – перебил мои мысли Колумбиец, – что наркотики употреблялись в различных целях еще в древние времена. Особенно в медицине. Как иначе тогда проводились бы операции, если бы не существовала такая анестезия, и людям не давали бы обезболивающего? Более того, и сегодняшняя анестезия это разновидность употребления изменяющего сознание вещества.

Я продолжал молчать. Мне требовалось больше времени для осмысления сказанного. От собеседника я услышал сильный аргумент, перед которым бы онемели многие публичные ораторы, из тех, кто рассматривают проблему наркотиков исключительно в медицинском, общественном, или, в крайнем случае, психологическом аспекте. В том, как он начал разговор, мне показалось, что упущен один существенный вопрос, вопрос о человеческой свободе. Этот вопрос важен не только сейчас, когда ты в тюрьме, но и тогда, когда ты в мире не имеешь недостатка ни в чем, кроме свободы от смерти. Когда ты не в тюрьме и у тебя есть все (точнее, – свобода выбора), тогда даже и не понимаешь, что ты действительно снова

в тюрьме. Это тюрьма жизни, ограниченной смертью. Эту тюрьму начинаешь понимать, когда приближаешься к ее границе. Но и при всех условиях в тюрьме для лучшего понимания смысла свободы, при моих скромных способностях к беседам было мало тех, которые шли дальше понимания физической свободы.

Для обитателей Идризово быть на свободе – это значило быть вне стен тюрьмы, вне камеры, без пыток тюремной стражи, без неизвестности о том, что тебя глубокой ночью поднимут для обыска. В лучшем случае они, вынужденные идти в своих рассуждениях далее, после физических характеристик свободы, хотели и психологических: достоинство, которое не унизит никакой заключенный или надзиратель, с внутренним убеждением, что ты не ниже тех, кто вне тюрьмы. И все это далеко, еще очень далеко от экзистенциальной человеческой потребности в свободе, которая освобождает от всех ограничений. Даже от смерти.

– Что думаете, честный отчет, – снова спросил Колумбиец, – имеет ли кто-либо право отнимать мою свободу, если я не был причиной ничьего рабства?

Разговор быстро достиг той точки, до которой я и предполагал дойти. Колумбиец казался умным, и я вовсе не рассчитывал, что смогу говорить без сильных аргументов в пользу собственной невинности. То, что я не дал ему конкретного ответа: является ли наркоторговля грехом перед Божиим законом, по-видимому, ободрило его, и он снова взял инициативу в начатом диалоге.

– Почему некто считает себя вправе отнять у меня то, что дал мне Бог – свободу? Сегодня мне запрещают торговать наркотиками, а где гарантия, что уже завтра какой-нибудь известный мировой лидер не предложит закон, который запретит торговлю хлебом? И большинство на это согласится? И при наступлении глобализации, любая тирания против человеческой свободы будет проведена в жизнь во всяком, даже и в этом глухом уголке Земли. Глобализация началась ради всеобщей организации против криминала, который не знает границ. Началась глобализация рынком скота, а закончится оккупацией свободы личности. Не хочу быть неправильно понят, в целом я не против глобализации, величайшая заслуга которой – в создании великого рынка услуг

и оборота разных товаров. Та конкуренция, которая существует на рынке, весьма важна для повышения качества материальной жизни. Но глобализация, и это коснулось меня, вытесняет свободу личности.

Говорил он медленно, и тон его выражал желание привлечь мое внимание. В конце своей речи он остановился, и, глядя мне в глаза, развел руками, словно подытожив: «Это лишь мое мнение, а теперь послушаю твое».

– Свобода – это смысл жизни, – ответил я медленно и немного задумчиво.

Я был совершенно уверен в том, что передо мной не обычный заключенный Идризово, из тех, что ищут причину оправдать себя и показать невиновным. Колумбиец был философом, который торговал наркотиками для того, чтобы добыть средства на жизнь и иметь возможность свободно философствовать. Он не был наркоторговцем, случайно изучившим философию, в чем я убедился при дальнейших встречах. Он отлично знал Кьеркегора, Хайдеггера, Сартра... притом не отставая в изучении Платона, Аристотеля и Плотина.

Скажу откровенно: с одной стороны, я был уверен, что он не понимает и не может

объяснить подлинного смысла свободы человека, но, с другой стороны, изъяснялся языком философии, который будто естественно оказался средством коммуникации, и даже языком Священного Писания, понимаемого буквально. Я не имел ни одного веского аргумента, чтобы показать ему, что он в чем-то ошибается. Опять же, не мог ссылаться на то, что во всем мире законодательство строго карает за торговлю наркотиками. Я не из тех людей, которые мыслят, что истина и правда на стороне большинства. Истина это только Бог, человек есть ложь, если не укоренен в Боге. Человек создан из праха, и после известного времени снова в него возвратится. Его суд непостоянен, и не является подлинной ценностью, если не имеет образцом Божественное откровение.

Я смотрел ему прямо в глаза, где отражались любознательность и желание узнать, как я продолжу. Он был преисполнен ожидания, я же совсем не был уверен в том, что это подходящее мгновение для столь серьезного разговора. Время нас поджимало, оставалась всего пара минут до конца прогулки. Вероятность того, что в будущем нам

и вовсе не придется больше увидеться, была очевидна. Все зависело от случайности и распорядка прогулок. С другой стороны, я не хотел выказывать превосходства, что случилось бы, обнаружь я свои размышления при том, что у него уже не останется времени для дебатов или контраргумента. В таком случае мой собеседник был бы ущемлен. Из-за этого я предпочел бы попросить его отложить этот разговор до следующей встречи.

Но он лучше меня разобрался в особенностях тюремного «устава» и знал, что встречи заключенных различных отделений нечасты и непросты. Поэтому я уступил и сказал:

– Вы односторонне и неполно толкуете свободу. Она не только выбор, но нечто большее. Свобода – это любовь.

Взгляд его просветлел. Вероятно, он услышал что-то неожиданное, и, полагаю, интересное для себя.

– Свобода есть способ Божиего бытия, – продолжил я. – Поэтому она есть любовь, ибо Бог есть любовь. Но для Бога это не выбор. Свобода – это Божие «да», Божие «аминь», ибо у Бога не существует «нет».

Поэтому свобода это не и «да» и «нет», или «да или нет», но только «аминь». Один из великих отцов Церкви назвал свободу «один путь». Если бы Божия свобода проявлялась как отрицание, то ни в чем не были бы согласны Сын и Дух Святой с Отцом, Бог бы не существовал. Личностное Божие бытие обусловлено единством в любви и свободе всех трех Личностей Святой Троицы. Человеческое существование отлично от существования Бога, ибо Он несотворен и не имеет рядом с Собой кого-либо другого, с кем был бы сопоставим и равен. Человек же сотворен и поэтому поставлен перед выбором. Прежде всего перед выбором, быть ли в единстве с Богом, или отвергнуть это единство, а потому уже и перед многими другими выборами. Итак, есть разница в качестве свободы Бога и человека. Задача человека – достичь такого качества свободы, которая есть способ Божия бытия. Когда эта свобода, которая у Бога выражается как любовь и один путь, а не как выбор, окажется способом бытия человека, тогда он действительно свободен. Если же свобода ограничена выбором, то это не свобода, а лишь новое ограничение. Даже если есть

выбор с тысячей возможностей, ты все равно не свободен, если не можешь реализовать тысячу и одну возможность. Наконец, человек поистине свободен только когда победил смерть.

Много раз я говорил о свободе перед различными аудиториями. Но никогда не был уверен, что мог быть понят лишь через столь немногие слова. Сейчас я не мог ничего добавить к сказанному. Я даже не слышал напоминание надзирателя о том, что настало время возвращаться в здание. Колумбиец уже понял, что я недвусмысленно сказал, что он не является невиновным. Многолетняя пастырская практика научила меня не осуждать собеседника, но стараться объяснить, в чем он ошибся.

Мы тихо разошлись, вероятно, оба погруженные в собственные мысли. Дилемма о том, будет ли философ просвещен Богом в познании свободы, была быстро решена. Уже через несколько дней, когда он нашел первую возможность приблизиться к окну моей камеры, крикнул мне:

– Отче, можешь ли меня исповедовать? Хочу освободиться от греха ложной свободы, которую носил в себе.

Не оглядываясь на то, что меня слышат другие, я громко крикнул:

– Да, непременно!

Это стало поводом всегда, когда я выходил на прогулку, одевать под одежду тайно пронесенную в тюрьму епитрахиль, в надежде встретить моего дорогого друга и брата, философа, который стал истинно свободен.

Отцовская пасха

Воскресное утро 30 октября 2005 года. Я как раз закончил молитвенное правило и читал помянник с именами, которые обычно поминаю на проскомидии, когда в камеру, конечно же, без стука, вошел один из надзирателей.

– Мои соболезнования, – сказал он мне, – твой отец умер.

– Бог да простит его душу – ответил я, беря его руку, протянутую для рукопожатия.

– И мой отец недавно умер, – попытался завязать разговор надзиратель, видимо, чувствуя себя неловко.

– Пусть и его Господь простит, – ответил я.

– Такова жизнь, мы здесь только гости, – смущенно продолжил надзиратель, – но ты это знаешь намного лучше.

Я ничего не ответил. Едва дождавшись, когда он выйдет из камеры, я погрузился в мысли, и, прослезившись, сказал: «Господи Иисусе Христе, помилуй раба Твоего, Аргира». Немного позднее я оделся и пошел к главному командиру. Он тоже выразил мне

соболезнование, объяснив, что пришел факс из Битолы, в котором меня извещали об отцовской смерти.

– Но я не могу отпустить вас домой без разрешения директора, – сказал главный командир. – Сегодня воскресенье, его нет на месте. Посмотрим, можно ли будет что-нибудь сделать завтра.

Я был намерен не откладывать до завтра. Сразу мне подумалось: как отцовскую смерть восприняла мать? Как она будет готовиться к похоронам? Кто ее утешит? Поэтому я набрался храбрости и сказал главному командиру, что хочу быть отпущен сразу, ради смерти отца, добавив, что если у руководства тюрьмы есть хоть немного человечности, то им надлежит позволить мне сегодня же отправиться на похороны.

Я понимал, что в моем голосе чувствовался гнев, даже и некоторая повелительность. Понимал, что из-за этого могу легко быть вызван для объяснений, наказан, быть может, даже избит, но, с другой стороны, я не верил, что покорным терпением добьюсь того, что нужно. Много раз я культурно и смиренно просил надзирательскую службу о своих потребностях, но люди в ней словно

наслаждались отказами мне. В этот раз я решил испробовать способ, к которому раньше не прибегал. Я решил, что лучше буду требовать, а не просить, чем, быть может, пробужу совесть людей, управляющих тюрьмой.

Мне нечего было терять. Я потерял отца, которого безмерно любил, который даровал мне мою плоть, но и больше того: он даровал мне свое сердце, душу, и все, что имел, чтобы сформировать меня духовно, чтобы образовать во мне подобие Божие, чтобы воспитать во мне наследника вечности.

Моя бабушка родила еще восьмерых детей. Аргир, таким образом, был одним из девяти. Он рос в нищете и хаосе, которые принесла Вторая мировая война, с опозданием пошел в первый класс. Но не опаздывал учиться молитве, ходил в церковь и славил Бога еще с самого юного возраста.

Впрочем, моя бабушка, которую я живо помню, была хоть и неграмотной, но глубоко благочестивой женщиной. Всегда с покрытой головой, что было символом ее наибольшего украшения, то есть смирения и послушания моему деду. Она была домохозяйкой в подлинном смысле слова. Была

умной в ведении дел и способной женщиной. Если бы она не была такой, то не смогла бы поднять стольких детей, большинство из которых получило образование, а еще и вынянчить всех внуков. Однако самым важным было то, что она смогла привить детям свое благочестие. Их растили в скромности, поскольку часто испытывали скудость в материальных средствах, но при этом обильно насыщали благочестием и окружали любовью. Строгая и справедливая, но медленная на гнев и возмездие, – такой мой отец запомнил свою мать.

Аргир был не настолько мал, чтобы не помнить ужасы войны в его родном селе Мали Влай, в области Струге, – сегодня это на самой границе с Албанией. Из памяти его так и не изгладилось то, как он, будучи ребенком, присутствовал при расстреле четверых своих дядь, убитых в поле. Расстреляли их немцы, благоволившие к Албании. После этого его отец взял попечение и над их осиротевшими детьми. Только Господь в последний миг спас тогда моего деда, и он не пошел с братьями на поле.

Мой отец не был равнодушен к Божественным откровениям, они были для него

той средой, в которой он воспитывался, и не был столь небрежен, чтобы не познать божественных энергий и действий, которые являются в жизни каждого человека, будучи выражением Промысла Отца нашего о спасении мира. Всегда из глаз его текли слезы, когда он рассказывал об утешениях, которыми его одаривала Богородица, когда он лежал в санатории с туберкулезом. Врачи не верили, что он выживет, но Бог имел совсем другой Промысл о нем, а тем самым и обо мне. На протяжении последних нескольких лет, с тех пор, как только против меня начались гонения и суды, весьма трезво и внимательно, с выраженной скромностью, чтобы случайно не недооценить мое желание свидетельствовать, он утешал меня: «Не случайно ты родился на этот свет, Йоване!»

И несмотря на то, что всю трудовую жизнь он провел на руководящих должностях нескольких предприятий Охрида и Битола, отец нисколько не превозносился. Стараюсь не быть пристрастным, но все же скажу: до последнего дня его жизни никогда я не слышал, что есть человек, который бы его не уважал или презирал. Даже те, кто некогда были его врагами или конкурента-

ми, относились к нему как к справедливому, честному, трудолюбивому, скромному человеку широкой души, всегда готовому выслушать и простить.

Никогда я не слышал, чтобы он кого-нибудь ругал, редко случалось ему и просто рассердиться на кого-нибудь. И все же, когда это происходило, он старался совладать с гневом до захода солнца. Оттого он был таким спокойным, что не позволял укорениться в своем сердце ни одному дурному помыслу. Но, если бы потребовалось вспомнить что-нибудь самое впечатляющее от этого человека, тогда, конечно, я бы назвал его готовность жертвовать ради ближнего, даже предать себя полностью, без остатка, за того, кого любил. И второе, что согласно с первым: он не пропускал ни одной воскресной Литургии, а когда вышел на пенсию, посещал и праздничные богослужения.

После вступления в единство с Православной Церковью, что имело результатом наше изгнание на улицу, он без колебания уступил свою квартиру, чтобы в ней совершались богослужения и приносилась бескровная жертва. И не только это. Он подарил (конечно же, с согласия моей матери) и

имение с домом в селе Нижеполе для того, чтобы на этом месте был воздвигнут монастырь. Был невероятно счастлив, когда мы положили и освятили закладной камень церкви. В том деле участвовали епископы из Греции и Болгарии. Когда власти немилосердно до основания разрушили монастырь, ему было очень тяжело. Никогда он не проклял ни одного разбойника* посланного властями, которые ограбили дом, подаренный им монастырю, затем остригли монахинь, и в конце концов подожгли дом. Он видел пепелище дела, которое созидал годами, но не причитал об этом, не отягощал меня своей болью, потому что чтит Промысл Божий.

Он радовался моим успехам и соболезнавал при нападениях на меня. Вероятно из осторожности он никогда не спрашивал, почему нужно столько страданий и боли, столько терпения несправедливости, хотя я не уверен, что для него было очевидно,

---

* Сразу после того, как владыка Иоанн присоединился к канонической Православной Церкви в 2002 году, раскольническая иерархия выпустила постановление о лишении его сана и Владыку выгнали из митрополичьей резиденции города Велес. – *Примеч. диакона Георгия Максимова.*

что единство Церкви, которое являет собой единство Самой Пресвятой Троицы, необходимо выстрадать.

Помню лицо отца в те годы, когда я был ребенком, помню, как он сердился и отчитывал меня, помню, как радовался внукам и детям от моей сестры, помню и как он плакал (весьма редко) и как был счастлив на Пасху. Но в тот миг у меня перед глазами был только один его образ. Тот, что я видел неделей ранее, – когда он потерял сознание, был госпитализирован и подключен к аппаратам в городской больнице Битолы. Именно из-за его тяжелого состояния здоровья тюремное начальство позволило мне получить первые выходные, чтобы навестить больного отца. Когда я увидел его полунагого, без сознания, в памяти у меня всплыл стих из богослужения в Великую Субботу: «лежишь как мертвый лев»*. Безусловно, слова эти относятся ко Христу, но применимы и ко всем христоносцам. Именно так выглядел мой отец Аргир в миг, когда

---

* Видимо, владыка Иоанн имеет в виду следующие слова из службы в Великую Субботу (Утренняя, погребение Плащаницы, первая статья): «Якоже лев, Спасе, уснув плотию, яко некий скимен мертв востаеши, отложив старость плотскую». – *Примеч. диакона Георгия Максимова.*

боролся за жизнь. Его спокойное без морщин лицо было освещено необычным светом. Таким я никогда его прежде не видел. Или, может быть, так мне показалось, потому что я хотел увидеть его таким?

Только грудь поднималась с помощью аппарата для дыхания. Все остальные части тела были неподвижны. Я взял его руку и поцеловал ее, затем перекрестил отца, благословил и помазал святым миром, что течет из Камня помазания в Иерусалиме. Я хотел верить, что это не подготовка к похоронам, но не мог освободиться от той первой мысли:

– Лежишь как мертвый лев.

– Что-что? – услышал я голос, который словно вырвал меня из сна.

В помещении, где я ожидал ответа о том, могу ли получить разрешение уехать на похороны отца, уже вошел главный командир. Я был настолько охвачен собственными мыслями, что не заметил его, когда он ко мне обратился.

– Просто вспоминаю отца, – ухватившись за последнюю мысль, громко ответил я.

– Ты должен доставить нам подлинник свидетельства о смерти, так приказал ди-

ректор, тогда мы сможем отпустить тебя на двадцать четыре часа. С этим факсом ты не имеешь права покидать здание тюрьмы, – сказал главный командир.

Сестры из монастыря стремительно привезли свидетельство о смерти, после чего меня сразу отпустили. Путь до Битола я словно пролетел. Теперь я не смог бы вспомнить, о чем думал во время того пути. Помню, как вошел в церковь, где было положено тело отца. Лицо его было объято внутренним светом, будто он не был мертв. Очи его были сомкнуты, словно он спал. В перекрещенных руках он держал лик Христа. Наклонившись, я поцеловал икону, руку и чело моего отца. Мать и сестра, которые стояли у гроба, расплакались. Я обнял мать.

– Бог да простит его душу, – сказал я со слезами на глазах. Она заплакала еще сильнее.

– Бог да простит его душу, а тебя подаст мне живым и здоровым, – пробормотала она.

Я погладил ее по голове и поцеловал в чело. Она поцеловала мою руку. Потом я обнял сестру, а присутствующие подошли ко мне, чтобы выразить соболезнование. Одна из монахинь начала читать Псалтирь. Я и сам читал и слушал псалмы, глядя на лицо

отца, пока слезы не заслонили мне его образ. Все произошло так быстро. Всего две недели назад отец и мать посещали меня в тюрьме. Отец выглядел здоровым, ни на что не жаловался. Был рад, что продвигаются работы в монастыре. Впечатление человека подавленного он не оставлял. Поэтому у нас все как-то затягивалось прощание.

Я плакал не потому, что не знал, какое его ожидает будущее. Плакал, потому что мне казалось, он ушел рано, не дожив до того времени, когда можно порадоваться плодам посеянного в своей жизни. Несколько последних лет отец много страдал из-за меня и Церкви. Я плакал из-за его внезапной смерти, которая поразила нас всех, несмотря на то, что и мы и он знали, что мы здесь лишь гости, и жизнь каждого человека в руках Божиих. Я плакал потому, что он не дожил до того дня, когда смог бы увидеть новопостроенную церковь, разрушенную на его глазах; потому что он не мог быть похоронен в монастыре, где ему, как ктитору, нашлось бы место.

От этих мыслей меня отвлекли племянники, которые со свечами в руках пришли проститься с дедом. Один за другим подхо-

дили они целовать дедушкину руку, но я заметил на их лицах некий страх. Они заплакали, и я подумал, что их нужно утешить. А чем другим мог бы утешиться человек, кроме напоминания о Жизни Вечной? Я сказал им, что их дед пошел путем Царства Божия, в котором все мы однажды соберемся. Сейчас он ушел от нас, как раньше ушли его бабушка и дедушка, отец и мать. Но придет время, когда и мы уйдем из этого мира к нашему Отцу, Которому молимся и Которого любим. Этих слов оказалось достаточно, чтобы утешить детей. Они, впрочем, уже знали это, будучи воспитаны как христиане и укоренены в церковной традиции, но, все же, в тот момент им нужно было внимание, чтобы их кто-то приласкал и напомнил о надежде, которую они и сами имели. Я чувствовал, что эти мои слова были приятны и всем остальным присутствующим.

Нет лучшего момента для человека подумать о смысле жизни, чем когда кто-либо из близких упокоивается. Тогда, хотя бы ненадолго, стихают страсти в человеке, что есть известное условие для проникновения в глубину бытия. В такой атмосфере человек открывает свою душу, которая в течение

жизни обременяется ненужными вещами, и доходит до заключения что, если необходимо умереть, тогда все – суета.

Жизнь проходит как один день, так какой же смысл для человека трудиться и хлопотать, если ее конец – смерть? Есть только один ответ на этот вопрос: жизнь продолжается и после смерти. Смерть – это лишь вход в вечность, пасха к Царству Божию. Только эта надежда может наполнить смыслом жизнь. Только вера в Бога, Который нам через Своего возлюбленного Сына открыл эту истину, может извлечь нас из суеты и бессмысленной жизни. Мы рождаемся в смерти, но существуем, чтобы наследовать вечность. С такой верой и надеждой упокоился мой отец. Да дарует Бог ему Царство Небесное!

Несправедливо осужден

В тюрьме Идризово почти нет заключенных, которые считали бы себя виновными в том, за что их наказали. Это свойственно падшей человеческой природе. Люди в мире сем субъективно подходят к праву и легко прощают себе собственные ошибки и даже противозаконные действия, в отличие от аналогичных поступков, совершенных кем-то другим. Переваливание вины началось еще с Адама. Адам переложил свой грех на Еву вместо того, чтобы оставить его на своих плечах. Ева на змия, а змий не воспротивился, но принял обвинение, потому что грехолюбив. Лишь провокатору греха не мешает то, что он грешен. Люди, которые носят в себе образ Божий и не дошли до отождествления себя с дьяволом, не чувствуют ничего приятного, когда их обвиняют в том, что они совершили неправду, когда бывают названы грешниками. Образ Божий, который они постоянно носят в себе, напоминает им об истине и справедливости. Так что человек в соответствии с собственной мерой

порочности, осмысливает правду Божию и оглядывается на нее.

В образе Божиим, который человек носит в себе, содержится и потенция к правдолюбию. Но из-за искажения способности суждения, возникшей после Адама, у человека нарушилось равновесие между потребностью быть оправданным, вернее, праведным перед другими, и намерением оправдать, или хотя бы не осуждать других.

Удивительное дело, – обычно самые большие грешники, преступники закона Божиего и законов человеческих, чья вина доказана, в то же время являются самыми суровыми в критике греховности или вины других. Это заметить в тюрьме очень легко. Столь много грешников и нарушителей закона в таком количестве и на столь малом пространстве, невозможно встретить где бы то ни было еще. Я твердо убежден, что состояние в тюрьме Идризово – это последствия ушедшей в прошлое коммунистической системы общественного поведения, от которой часть Македонии еще не освободилась, а уж об этой тюрьме и говорить не приходится.

Та коммунистическая система проявляла пренебрежительное отношение к вере в

Бога, имея конечной целью ее полное уничтожение. Человек без веры в Бога может стать кровожадным. «Начало мудрости – страх Господень» (Притч. 1, 7), – давно сказал премудрый Соломон. Те, у кого нет страха перед Богом (а это то же самое, что быть неверующим или безбожником), не стыдятся греха, не имеют ни совести для правды, ни воли чтобы не нарушать законы. Не имеют желаний воздерживаться от несправедливости к другим. Последствия этой ошибочной общественной системы мы ощущаем и сейчас. Вот уже пятнадцать лет Македония находится на стадии переходного периода, но словно ничего не изменилось за это время. Это так потому что человеческая совесть меняется медленно, а именно она должна стать основой изменения как личности, так и всего общества в целом. Если же ко всему сказанному прибавить и слабую волю, которая является результатом отсутствия духовности у людей, тогда диагноз человека современной посткоммунистической Македонии станет очевиден.

Наши современники в значительной мере пантеисты. Они верят в природу, как в некоего бога. И поскольку верят, что существуют

«сверхъестественные силы», то считают, что они и есть бог. Впрочем, самые многочисленные те, кто верят, что деньги и власть – боги. Возможно ли в такой атмосфере познать Бога, не иметь греха, неправды, ошибок, бесцельной злобы, и наконец, гибели во всех отношениях? Если потеряешь Бога, потеряешь цель жизни. И вместо того, чтобы тратить дни жизни, стремясь к некоей цели, тратишь годы в тюрьме. Мои рассуждения более относятся не к тюрьме Идризово, а к тюрьме, известной как Республика Македония.

Общий тезис всех нынешних политиков Македонии, что все соседние страны – ее враги. Греки не признают ее имя, болгары – язык, сербы – Церковь, албанцы – границу. Страны Евросоюза и США установили строгий визовый режим для въезда на их территорию. Поэтому обитатели Республики Македония пребывают в некоем гетто. Но в этом виновата власть Македонии, бесконтрольно и коррупционно управлявшая страной. Пусть меня простят, если я ошибаюсь, но думаю, что власти на протяжении пятнадцати лет после падения коммунизма делали все, чтобы в Македонии он не исчез до

конца. Что касается декларативных вещей, Республика Македония – демократическая страна, но на деле она по-прежнему тоталитарная провинция. Нет общественных прав, что подтверждается и в отчетах ОБСЕ, нет свободы слова (по причине чего происходят политические осуждения за словесные преступления), нет свободы мысли (о чем свидетельствует потрясающий контроль над СМИ), и над всем этим в невиданных размерах царствует коррупция.

Тюрьма Идризово – последнее звено в этой общественной цепи. Здесь в самую последнюю очередь ожидаются перемены, но с другой стороны, именно в ней отражается вся анархия государства. Для всякого духовного иностранца, который хотя бы немного разбирается в институциональном порядке и организованной административной деятельности, достаточно всего один день провести в тюрьме, чтобы увидеть насколько политизирована структура общественной системы в нашей стране. Он констатирует распад системы ценностей, морали, полную несправедливость, взяточничество, постыдное получение прибыли, насилие и интриги, одним словом – хаос.

Хуже всего то, что ни один работник тюрьмы Идризово, от директора до надзирателя или воспитателя, не станет возражать, что состояние дел в тюрьме трагично. Все согласны, что хуже, чем сейчас, не было никогда. Никогда прежде уровень дисциплины и уважения к начальству не был настолько низок, а вражды между заключенными настолько высок. Никогда прежде не было больше наркоманов, бездельников, грязи, тотального хаоса. Трагедия состоит в том, что ни у кого нет желания что-либо улучшить. За короткое время в Идризово сменили нескольких директоров, но они либо не могли ничего улучшить, либо и не собирались. Мне кажется верно второе. Как можно начать реформу тюрьмы, когда это последний институт, в списке тех, что требуют государственных реформ! За пятнадцать лет демократии ничего не реформировано в Македонии, ничего не сдвинулось к лучшему, неужели же только тюрьму надо переделывать?

Для меня это было очевидно еще с первого дня моего заключения. Не только старые заключенные, но и большая часть вообще всех заключенных, поднимали в разговорах

этот вопрос. Почему никто не заботится о тюрьме? Почему с нами обращаются, как с животными? Если мы осуждены, разве мы не имеем права на солнце? И еще много подобных вопросов, которые создавали у меня впечатление, что эти заключенные не знают, в каком состоянии оказалось государство, постоянно задавали эти люди. Подумалось: они уже так долго находятся в тюрьме, что потеряли представление о том, что действительно происходит на воле.

Но позднее я понял, что это была ошибочная мысль. Проблема не в том, что заключенные не осведомлены о том хаосе, в котором находится страна, и даже не в том, что они имеют неверные представления о качестве жизни граждан Македонии, живущих вне тюрьмы. Проблема заключалась в том, что они не хотели согласиться с мыслью, что Македония спустила в карты последние пятнадцать лет, и не сделала ничего. Оправдываясь мыслью, что они в тюрьме и объективно не могут ничего сделать для своей страны, они гневались на тех, кто поместил их за решетку, а практически судьями были те, кто больше всего известен своим взяточничеством и бессовестными приговорами.

– Я невиновен, – сказал мне один албанец, бывший полевой командир Албанской Освободительной национальной армии (ОНА).

– Знаю, – ответил я. – Здесь большинство невиновных, по крайней мере, так они считают.

Я много наслушался от заключенных разных рассказов из жизни. Все они в основном сводились к тому, что их рассказчики или невиновны, или доказательств на суде было недостаточно, или, что их наказание чрезмерно завышено. Тех, кто искренне калялись в содеянном, было очень мало. Но в такое состояние их подвигал и сам тюремный режим. Никогда в тюрьму не входил священник для исповеди или наставления*. Только сейчас архиепископ оказался между ними как осужденный. Воспитательная служба поставлена совершенно неправильно. Она вообще не влияет на ресоциализацию заключенных, и не может позитивно воздействовать, базируясь на тех основаниях, ко-

---

* В официальные государственные учреждения Республики Македония не допускаются священнослужители любых религий для окормления верующих, в них нет храмов или молитвенных комнат, а в библиотеках нет религиозной литературы. – *Примеч. диакона Георгия Максимова.*

торами руководствуется. Это может только религия, прежде всего, советами, а также побуждением к покаянию и исповеди, что влияет как на тех, которые склонны к криминалу, так и на остальных, которые просто имеют веру в Бога. Но если тюрьма не имеет программы участия религиозных лиц, если тюремная библиотека не содержит книг религиозного содержания, как в Идризово, тогда неудивительно, что заключенные выходят совершенно не ресоциализованными, более того, нередко даже в еще худшем состоянии, чем до заключения.

Поэтому мне и не было интересно общаться с этим албанцем. Я подумал, что будет еще одна исповедь без покаяния, еще одна жизненная история, сдобренная нарциссизмом и эгоизмом.

– Но я действительно невиновен, и перед Богом и перед законом! – продолжал он настаивать. – Я хотел поделить Македонию мирным путем.

Тогда я обернулся. Смерил его с головы до ног. Прежде всего мне бросился в глаза глубокий шрам, который был на его лице. Ростом он был немного ниже меня, но, очевидно, на несколько лет старше. Рыжий

цвет волос и бороды. Аккуратно одет, в отличие от многих, которые ходили в тюремном дворике в изорванной, грязной и мятой одежде.

– Впрочем, скажу тебе, – проговорил он на плохом сербском языке, – что когда мы поднялись на войну, то все были за отделение*. От Али Ахмети, который сейчас у власти, до последнего албанца, который взял ружье. Нас даже поддерживали и те, кто не вышел на поле брани. Все мы были единомысленны в том, что наконец освободимся и сами станем хозяевами.

Еще с начала моего появления в тюрьме я приобрел благосклонность у албанцев. Они были готовы послужить мне во всем, чего бы мне не потребовалось. Так было, во-первых, потому что, верю, они имели почтение к моему епископскому служению, а во-вторых, потому что смотрели на меня как на человека, который имел мужество противостоять власти, даже ценою тюремного за-

---

* Под войной имеются в виду события с марта по сентябрь 2001 года, когда в Македонии албанцы инициировали вооруженный конфликт с целью отделения по косовскому сценарию, который завершился подписанием Рамкового договора. – *Примеч. диакона Георгия Максимова.*

ключения. Много раз случалось, вероятно, чтобы испытать мое смирение, что они говорили мне в шутку:

– У нас нет такого албанца, который готов бороться словом, а не оружием. Храбрее тот, кто с властью борется словом, чем тот, кто поднимает руку против государственной силы.

– Буду откровенен, – ответил я, – мне это было ясно еще до начала войны. Но то, что произошло после, для меня не было ясно. Ладно, когда я поразмыслил, то мне стало ясно и это, но я не ожидал, что вы, албанцы, так легко сдадитесь. До недавнего времени вы были известны тем, что ваше слово – действительно чего-то стоило.

– Потому что Али Ахмети... – перебил меня албанец, закончив фразу непечатным словом.

– Не думаешь ли ты, что это случилось без давления внешних сил? – сказал я, не обращаясь к нему «на Вы», поскольку мне, откровенно говоря, было неприятно это делать, когда мой собеседник не обращался «на Вы» ко мне.

– Конечно, это случилось под давлением, но когда ты действуешь во имя некоей идеи,

нужно заранее понимать, как далеко ты сможешь пойти. Это было спущено сверху. Люди, точнее, борцы, которые сражались за идею, а не за деньги, были преданы.

– Может быть, сейчас я говорю с одним из них? – спросил я.

– Именно так! Я был в командовании с начала войны, а в конце, когда почувствовал, что идея была не в том, что прописана в Рамковом договоре, но в разделе Македонии и полной албанской власти над завоеванными территориями, меня поместили сюда.

– А вы были довольны тем, что написано в том договоре? – спросил я, уже догадываясь, как он ответит.

– Мы по тому договору не получили ничего, сверх того, что мы имели прежде. Больше получили славوماкедонцы.

Я знал примерно следующее: македонцы никогда сами не завоевали бы права на местное самоуправление, которое было добыто войной. Ничего кроме войны не могло децентрализовать посткоммунистическую власть. И если посмотреть более внимательно, то действительно борьба албанцев – это борьба за демократию. Может быть, сами они и не понимали, что борются не

только за себя. Ослепленные мелкой национальной идеологией, которая в большинстве случаев эгоистична, и имея цель склонить на свою сторону только тех, кто тесно связан по национальному признаку, албанцы в Македонии практически завоевали победу не только для себя, но и для всех остальных, кто жили на этой территории*. Мне было это ясно как день. Македонцы же показали себя неспособными установить и сформировать демократию. Даже когда в первый раз получили государство, и тогда они остались подвластны, неважно, что властям из собственного народа. А есть ли разница, чей именно ты раб, – фараона из

---

* Один из главных пунктов в Рамковом договоре: децентрализация власти в Македонии, то есть усиление местного самоуправления, причем не только в местах расселения албанцев, но и славян-македонцев. Благодаря этому теперь в стране градоначальники имеют больше власти, чем раньше. Владыка Иоанн полагает, что это децентрализовало коммунистическую власть, называвшуюся после развала СФРЮ «демократической», которая прежде имела влияние на «всех и вся» в Македонии. Децентрализация ослабила ту власть, которая вот уже несколько лет проводит в стране гонения на каноническую Православную Церковь. Владыка Иоанн считает, что албанцы имели перед собой только узко-националистическую цель, но их деятельность в итоге пошла на пользу всему обществу. – *Примеч. диакона Георгия Максимова.*

Египта, второго Тито или Лазы из Святого Николы*? Раб есть раб, пусть даже его рабовладелец носит такое современное имя, как Бранко Црвенковски.

– Хочешь сказать, что сейчас македонцы должны воздвигать памятники борцам ОНА и АНА**? – спросил я немного провокационным тоном.

– Знай, что если ДУИ*** попросит, то эта власть поставит и памятники, только бы сохранить коалицию, но ни один албанец не хочет, чтобы ему славوماкедонец ставил памятники. Мы, албанцы, презираем славوماкедонцев, потому что они воруют историю. Не знают, греки они или славяне. С тобой нечто другое, из-за этого тебя и уважают

---

* Прозвище Лазаря Колишевского, секретаря коммунистической партии в Македонии после Второй мировой войны и до 1963 года, который изгнал и убил многих своих противников. – *Примеч. диакона Георгия Максимова.*

** «Албанская национальная армия» – под этим названием стали действовать непримирившиеся боевики из распушенной в 2001 году «Освободительной национальной армии». – *Примеч. диакона Георгия Максимова.*

*** «Демократическая Уния (или Союз) за Интеграцию» – под таким названием легализовалось в виде партии распушенная ОНА во главе с прежним лидером Али Ахмети. На последующих выборах ДУИ получила голосов больше, чем любая другая албанская партия Македонии. – *Примеч. диакона Георгия Максимова.*

все албанцы. Так что, когда ты попал в тюрьму, то стал известен еще и среди албанцев.

Снова у меня промелькнула в голове мысль, что коммунизм в Македонии создал настоящую духовную пустыню. А также и великие исторические фальсификации. Это произошло не только с Церковью, фальсифицируя прошлое, коммунизм успел для многих в Македонии фальсифицировать и будущее.

– Тюрьма сделает тебя героем, я в этом уверен, а вера в идею превратит тебя в закаленного и выносливого борца, – продолжил албанец.

Раздался звонок – знак, что мы должны построиться для переключки, что помешало мне сказать ему:

– Наступит время, когда и остальные увидят, что ты невиновен.

Ошибка

Однажды воскресным вечером, когда служба тюремной безопасности терпимее к вопросу переходов из одного крыла в другое и посещениями заключенными друг друга, в мою камеру вошел человек из «девятого крыла», где находились приговоренные к пожизненному заключению.

– Я пришел, чтобы поблагодарить вас за книгу, – сказал он мне. – Я ее немного задержал, но мне потребовалось больше времени, чтобы лучше понять и прочувствовать ее. Буду откровенен, я плакал, когда ее читал. Не мог сдержаться. Я не стыдился тех, кто видел, как плачу. Меня даже мать не видела плачущим. Я, который имел каменное сердце, и никогда не показывал милость и сострадание, теперь не стыдился лить слезы словно малое дитя.

Все это он сказал на одном дыхании, даже не обращая внимания на то, что я в камере был не один. Это был высокий, крупный человек, с острым взглядом и выдаю-

щейся нижней челюстью. В этот раз его глаза смотрели смущенно и неуверенно. Было очевидно, что остальные заключенные в камере изумлены его поведением. Они переглядывались, немного испуганно, вероятно, не желая, чтобы он заметил их реакцию. Было ясно, что никогда прежде его не видели в таком состоянии. Это был известный преступник, вождь злостной банды, но именно из-за этого многие заключенные в нем видели идола. Многие желали оказаться в его окружении, поговорить с ним, или, точнее, похвалиться перед ним совершенными преступлениями, чтобы он их лучше узнал, и может быть, начал «высоко» думать о них.

Всякий человек ощущает потребность в том, чтобы другие подтвердили его идентичность. Без «ты» нет и «я». Но от этого другого, того, от чьих критериев и понимания жизни мы принимаем подтверждение нашего существования, зависит, какими будут наши критерии красоты и уродства, добра и зла, рая и ада, жизни и смерти. Поэтому так важно в жизни найти хорошего учителя, чтобы смотреть в него как в чистое и неискривленное зеркало, которое не искажает

лика. Если тот другой, кто определяет для нас критерии жизни и идентичности, имеет нарушенную систему ценностей – скажем, безбожник, нечестный или безнравственный человек, преступник или разбойник – тогда и те, которые смотрят на него, станут такими же. Люди подражают своим идолам.

Так и большинство в Идризово желали подражать этому заключенному из «девятого крыла», но, к сожалению, он направлял их ко злу. Когда я увидел его в слезах, подумал: как он теперь будет выглядеть в глазах заключенных, которые на него смотрели как на идола? Я и сам был в недоумении от того, что он и впрямь не стеснялся своего состояния. Присутствующие в камере ждали знака, которым бы я показал им, что нужно выйти вон. Полагаю, эта ситуация их напрягала. Они смотрели на меня серьезно, с полуоткрытыми ртами.

– Хочешь ли мне что-нибудь сказать? – спросил я его.

– Да, хотел бы, если у вас есть время, – снова смущенно ответил заключенный из «девятого крыла».

Это был уже понятный знак к тому, чтобы мои соседи оставили нас, что они неза-

медлительно и сделали под предлогом посещения соседних камер. Когда мы остались одни, мне показалось, будто помещение стало тесным. Я посмотрел на своего собеседника, и он опустил свой взгляд. В камере на короткое время воцарилась тишина. Мы напряженно ждали, кто из нас двоих заговорит первым.

– Отче, я сильно грешен, – выдавил он.

И снова умолк. Он был уже на полпути. Воистину тяжело и нужна необычайная благодать, чтобы открыть, что ты грешен, но пока полностью не извлечешь зло из себя, и не вырвешь его корень, который иногда очень глубоко сидит в душе, без очищения, а после и облачения в нового человека, ты все еще на полпути. Далее нужна вторая половина покаяния, то есть, исповедь. В сущности, исповедь это принятие нового образа жизни, новой идентичности, лучше сказать, оставление всех идолов, которые устанавливают нам критерии жизни, и принятие Христа за Бога, который есть Путь, Истина и Жизнь. Для покаяния необходимо побуждение извне, призыв Божий, но для исповеди требуется двукратно больше. Почти невозможно, чтобы грешный человек из мира,

сам по себе, без какого-то импульса оставил путь греха и усвоил истину и справедливость в качестве жизненных критериев. Было ясно, Бог его призвал. Книга, которую он прочитал, потрясла его, а предыдущая жизнь и греховный навык, которые у него были, вынудили его признать свой личный промах. Дно ада, достигнутое в тюрьме, ускорило процесс его покаяния, но сделало необходимым с моей стороны сказать еще одно слово:

– Слезы не всегда знак слабости. Часто они являются средством для очищения души. Но, верю, что твои слезы есть выражение и того и другого. Ты чувствуешь себя слабым, думая, как возместить то, что упустил в своей жизни, но, полагаю, у тебя есть впечатление, что ты еще слабее для того, чтобы самому достигнуть вечности.

Он поднял голову и посмотрел мне прямо в глаза. Затем снова опустил голову и заплакал. На этот раз в голос.

– Вы читаете мои мысли! – проговорил он сквозь слезы.

Ясно было, что нужна искра, чтобы разжечь огонь исповеди. Эта жажда духовной чистоты, о которой тоскует каждая душа, пробудилась в заключенном из «девятого крыла».

– Нет греха, нет зла, нет преступления, которого бы я не совершил, – говорил он снова со слезами и опущенной головой. – Я убивал людей, крал, насиловал, избивал. Я... – он говорил быстро, словно боялся куда-то опоздать.

Я хотел видеть его глаза, но он не поднимал голову. Камера была очень тесной, чтобы я мог занять подходящее положение и как-нибудь увидеть его лицо и движение уст. Лишь по голосу я мог судить о его искренности. Он говорил быстро, но с болью и тоской. Старался подбирать подходящие слова, чтобы выразить свое душевное состояние. Однажды он на мгновение остановился, но потом сразу же продолжил. Я не хотел его перебивать. Но, судя по всему, в том не было потребности. Он хорошо понял, что такое грех, и, что есть грех из совершенного им.

– Есть ли какой грех, который тебе кажется, что ты не совершил? – спросил я, когда он закончил.

– Видимо, нет, – ответил он со слезами.

– А отрицал ли ты когда-нибудь бытие Божие? Или хулил ли ты когда-нибудь Его?

– Думаю, что никогда. За все, что со мной случилось в жизни, я винил только себя.

О Боге всегда думал, что Он далеко, что Он недостижим, но я всегда верил, что Он любит людей. Спорил со всеми, кто говорил, что Бог наказывает людей за их проступки. Никогда я не верил, что тот, кто любит, может наказывать. Между тем, жаль мне, что не имею ни одного доброго дела, ни одной добродетели.

Очевидно, что узник из «девятого крыла» пережил глубокое раскаяние. Он исторг из себя то, что не было хорошим, то, что представляло закваску его внутреннего распада, но сейчас ему предстояло усвоить большую и значительную часть, то есть изменить образ жизни, и принять новые критерии.

– Это начало и конец всех добродетелей, – сказал я ему. – Если человек исполнил все добродетели, но не имеет веру в Бога, который есть Альфа и Омега, это то же самое, как если бы он не сделал ничего. Это не значит, что человеку не нужно стараться быть добрым. Напротив. Добрыми делами измеряется качество человека. Но вера нужна прежде всего. Она становится мотивом добрых дел. Доброта, которая не мотивирована верой в Бога, не имеет почти никакой ценности. Не ставит Господь Бог на одну чашу весов грехи людей, а на другую – добрые

дела, но на одну – ошибки, а на другую – добрые дела вместе с верой человека. Так правая и искренняя вера восполняет много добрых дел, если можно так сказать.

Я старался простыми словами разрушить в нем правовое понимание греха и наказания, которое люди усваивают как нечто само-собой разумеющееся. Из ошибочного понимания греха как правового, вернее, морального преступления, происходит и ошибочное понимание наказания. Люди, которые не приняли церковного образа бытия, чаще всего осмысляют Бога как судью. Так грех, который является источником всякого вида страха у человека, производит страх и перед Богом, как судьей, что есть, конечно, последствие искажения личностных отношений с Ним, которые есть любовь.

В этом случае я чувствовал обязанность взять часть бремени заключенного из «девятого крыла». Ибо, пока не осознаешь жизненных ошибок, легко их носишь, но когда поймешь, что ты – обычный грешник, что зря потратил время, что такой образ жизни довел тебя до безвыходного положения, тогда бремя греха может стать неподъемным. Было некое чаяние, что этот узник все-таки хоть в какой-то степени взрастил веру, а

с ней, как-никак, существовала и надежда. Его нужно было лишь направить к верной цели, ободрить на этом пути, убедить открыть сердце для любви и милости Божией.

Так я начал говорить ему о Христе-Слове, которое есть плод любви Отца, о мире, который сотворен из ничего, о Промысле Бога, желающего, чтобы все собрались в Царстве Его, о Духе Святом, Который соединяет нас в любви, о конце света и последнем суде. Сказал ему, что главная цель раскаявшегося грешника – соединиться со всеми сотворенными существами в одно Тело, которое есть Тело Христово. Что нас такое соединение делает причастниками и дел того Тела, а соединение со Христом происходит на Литургии, на которой приносятся дары ради спасения всех и за все.

Заклученный меня внимательно слушал. Лицо его начало проясняться. Благая улыбка, появившаяся в его глазах и на устах, была знаком радости, которая его успокоила. Но вот в то же мгновенье он снова опустил голову, видя, что недостоин великой награды, которую Господь готовит верующим в день оный.

– Отче, могу ли и я спастись? – решительно спросил он, когда я рассказывал о дне

восьмом и о тех, которые будут наследовать вечность.

– Веруй, и спасешься, – так нас учит Христос.

– Но я грешен! – ответил он.

– Вероятно, ты не собираешься больше оставаться во грехе?

– Не только не думаю оставаться во грехе, но и сам себе противен! – ответил он, в этот раз глядя мне в глаза.

– Правильно веруй, молись и не переставай надеяться. Начни делать добрые дела, украшайся добродетелями, и тем станешь уже на полпути к Царству Божию, – сказал я.

– Но я хочу войти в Царство, не останавливаясь на полпути.

Это было весьма сильное доказательство его решимости. Он выглядел как тот, кто готов меняться, чтобы оставить ветхого человека и облечься в нового. Он выглядел как тот, кто воспринял цель, которая должна заменить ему все остальные цели, на которые он тратил жизнь.

– Чтобы пройти вторую половину пути до Царства нашего Отца, тебе нужно причаститься, – ответил я. – Причастие есть смысл жизни.

– Смею ли я причаститься, когда столь грешен? А кроме того, в тюрьме никогда не служится Литургия.

– Когда придет время для тебя принять Христа, верь, что и тюремная клетка не будет преградой. До того времени считай, что находишься под епитимьей за свои ошибки. Оставь время Господу, чтобы проверить твою любовь. Только не переставай двигаться к Нему, и Он непременно выйдет тебе навстречу, даже и раньше, чем ты пройдешь полпути.

Я встал и положил руку на его голову. Помолился Богу, чтобы Он простил этого человека, как простил разбойника, распятого на кресте, как простил блудницу, которая покаялась. Потом я слышал, что он воистину стал другим человеком и что украсил себя добродетелями.

Источник веры и силы

Это интервью было дано архиепископом Иоанном летом 2006 года, вскоре после освобождения из первого тюремного заключения, во время которого и были написаны приведенные выше письма. Сразу после выхода на свободу македонские власти инициировали новое ложное обвинение Владыки. Следствие, суд, апелляция и подтверждение судом высшей инстанции заняло пять месяцев. 10 августа владыку Иоанна вновь заключили в тюрьму. К моменту осуждения архиепископ Иоанн находился на лечении в другом государстве, и мог бы остаться там... но, добровольно повинувшись решению суда, вернулся в страну и сам прибыл в тюрьму Идризово, откуда вышел в марте того же года. Данное

интервью удалось получить в краткий промежуток времени между двумя тюремными заключениями.

– Ваше Высокопреосвященство, православные люди в России практически ничего не знают о положении единоверцев в Македонии. И, хотя вести о вашем заключении вызвали широкий и сердечный отклик, многие молились о вашем скорейшем освобождении, подоплека этих событий для русского человека остается неизвестной. Чем был вызван ваш арест?

– Прежде всего позвольте с радостью поблагодарить вас за вашу достохвальную инициативу – рассказать верующим Русской Православной Церкви о церковных проблемах в Республике Македония.

По моему впечатлению, у вас очень мало информации о подлинном положении вещей, из-за чего позволю себе несколько слов о сути церковного спора в Македонии.

Раскол македонских верующих со всем православным миром произошел в 1967 году. В тот год по приказу коммунистической власти Народной Республики Македония, местная Автономная Церковь (которая бы-

ла в единстве с Сербской Православной Церковью) своевольно провозгласила автокефалию, без согласия Матери-Церкви, и не была признана ни одной другой из Поместных Церквей. Этот акт представлял коммунистическую попытку разрушения Церкви.

В Советском Союзе оно совершалось другим способом, но в бывшей Югославии коммунисты пытались ослабить Церковь через разделение и схизму.

Кроме того, посредством этого шага они хотели поставить контроль над диаспорой в Америке, Австралии и Западной Европе, потому как другим госслужбам это не удалось. Диаспора была настроена антикоммунистически, но Церковь уважала.

Пока существовала Югославия, не предпринималось никаких серьезных попыток преодоления раскола. Первые такие шаги появились лишь в 1998 году, что совпало с моей хиротонией в епископский сан, совершившейся в тот же год.

После долгих переговоров в мае 2002 года власти пришли к решению, которое нашло отражение в Нишском соглашении, подписанном обеими делегациями. Подписи поставили четыре епископа Сербской

Православной Церкви и три епископа Македонской Православной Церкви, однако Архиерейский Синод МПЦ, под давлением государственной власти, отверг этот документ, хотя в нем было наиболее приемлемое решение проблемы. Статус Церкви был бы «автономия», даже с предоставлением большей степени свободы по сравнению с автономией, которую сегодня имеет Украинская Церковь Московского Патриархата, а Церковь называлась бы своим древним именем – Охридской Архиепископией.

Когда стало ясно, что и этот шанс упущен, два епископа МПЦ, подписчики Нишского соглашения, отправили меня к Патриарху Сербскому Павлу, просить, чтобы он предложил возможность отдельного вступления епископов МПЦ в литургическое и каноническое единство с СПЦ.

Условием было временно не поминать Патриарха на возгласе: «В первых помяни Господи...», но поминать в этом месте Священный Архиерейский Синод. И первое время никто бы не знал, какой именно Синод мы поминаем.

Его Святейшество Патриарх Сербский согласился даже на столь большую церков-

ную икономию, чтобы избежать раскола. Уже один этот факт свидетельствует о великом желании Патриарха и иерархии Сербской Православной Церкви прекращения разделения.

Но отказом от своих подписей они отреклись и от своего Архиерейского достоинства.

И на приглашение Патриарха ответил только я, вместе со священством и верным народом Велесской епархии. С этого момента начались наши проблемы.

Через несколько дней в здание митрополии в Велесе, где я жил и работал, пришли полицейские, вооруженные до зубов, и выгнали меня на улицу. Потом я отправился в монастырь Неготино, но через несколько дней полиция выгнала меня и оттуда.

Оставалась единственная возможность – вернуться в родной город, в дом моих родителей по плоти. Там собрались и те монахи, которые последовали за мной еще в Велесе. Через год после этих событий к Православной Охридской Архиепископии присоединились монахи из других епархий, и тогда власти Македонии очень испугались. Они поняли, что это процесс, который не остановить, и увидели, что многие священники,

пробывавшие в расколе, присоединились к канонической Церкви.

В один из дней сразу после Литургии, куда пришло множество монахов, меня арестовали и держали в заключении около тридцати суток.

После этого меня осудили на два года тюрьмы по ложному обвинению в разжигании национальной и религиозной ненависти и нетерпимости. Ко всем моим объяснениям, что я служу Церкви, двадцать веков несущей мир и любовь, а никак не ненависть и нетерпимость, суд остался глух.

– Как лично вы и Церковь перенесли это нелегкое испытание?

– Откровенно говоря, в XXI веке очень странно видеть, что арестовывают епископа за то, как он верит, и за то, с кем пребывает в каноническом единстве. Но наше страдание и близко не может сравниться со страданиями некоторых епископов в России во времена коммунизма. Их пример для меня является источником веры и силы.

Сейчас меня могут арестовать или устроить какие-либо препоны, но вряд ли станут убивать, что нередко случалось тогда в вашей стране.

Поэтому я считаю, что наше испытание не содержит даже малую часть того, что вытерпели некоторые наши старшие современники в XX веке, не говоря уже о первых веках христианства. И это наше испытание стало известным только благодаря тому, что нетипично для эпохи, в которую мы живем.

Когда многие считают, что с падением коммунизма окончились и гонения на Церковь, в части Балкан под названием Республика Македония можно увидеть, что ни коммунизм как форма тоталитаризма не свергнут, ни гонения на Церковь не прекратились.

– Перед какими трудностями сейчас стоит община канонической Церкви в Македонии?

– Тяжелее всего то, что государственная власть не дает нам правовой статус, не желает официально признать нас, хотя признала почти все движения, устроенные заезжими протестантскими проповедниками. Как только это изменится, появится шанс для дальнейшего улучшения нашего положения.

А сейчас без каких-либо законных оснований власть Республики Македония запрещает даже входить в храмы, захваченные раскольниками. Можно вспомнить, что

меня осудили на один год тюрьмы только за то, что я вошел в храм, которым владеет раскольническая организация.

Вообще я не знаю, есть ли хоть в самом теократическом режиме какая-нибудь религиозная организация, столь защищенная, как раскольники из МПЦ властями Республики Македония? В тот самый момент, как только власть перестанет защищать эту организацию, ситуация в корне переломится.

– Мы слышали, что в 2004 году большинство македонских монахов и монахинь вернулись из раскола в лоно истинной Церкви. Чем объясняется такой миссионерский успех Православия?

– Монашество всегда являлось совестью Церкви. Это показывает ясно видимая сила монашества в самые сложные для него исторические времена. Свт. Григорий Палама был бы лишь одним из многих афонских монахов, если бы не случился спор с варлаамитами, и если бы не услышал от Бога призыв стать на защиту Церкви. Не говоря уже о роли монахов в период иконоборчества, и у народов, находившихся под турецким игом.

В конце концов, вполне естественно, что монахи всегда представляют первую оборо-

нительную линию Церкви, ибо они отделились от мирского и научились жить свободно, не только от страстей, но и от страха, который есть следствие страсти.

Человека, освободившегося от страсти, ничего не может испугать – ни гонение, ни страдание, а если подумаем о крайности, – даже и смерть. Истинным монахом является тот, кто уже в этом смертном мире живет воскресением. Тогда он достоин призвания, которое выбрал.

В Царстве Божиим нет ничего более славного, чем подвиг страдания за истинную веру. Только ради нее и полезно страдать в этом мире. Любое другое страдание недостойно, и даже бессмысленно. Но терпение страданий ради Царствия Божия имеет смысл и награду, каковая есть жизнь вечная в богатстве даров Божиих.

Считаю, что такая же правая вера привлекла монахов придти в каноническую Церковь, пусть даже и ценой страдания.

– Как вы оцениваете дальнейшие перспективы православной общины в Македонии? Есть ли предпосылки для улучшения ситуации?

– Под давлением Европейского Союза, власть в Республике Македония вынуждена отступить. Они хотят присоединиться к Евросоюзу и поэтому должны согласовать с ним свое законодательство. Широко известно, что в Европе право религиозной свободы находится среди основных человеческих прав.

Власть в Македонии уже получила очень много критики за свое отношение к религиозным правам. ОБСЕ второй раз не принимает тот закон, который предлагает македонское правительство.

Предложенный второй вариант закона тоже является тоталитарным и опять защищает лишь раскольническую организацию МПЦ и мусульманский Союз Македонии, тогда как Православная Охридская Архиепископия по этому закону не может быть даже зарегистрирована.

Но мы надеемся, что это окажется для них невозможно, особенно после несправедливого ареста, когда весь мир узнал, что в Македонии попираются основные человеческие права, гарантированные международными договорами. Во всяком случае мы молим Господа дать нам силы выдержать катакомбные условия, в которых мы сейчас служим.

– Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II неоднократно выражал поддержку канонической Охридской Архиепископии. Как, на ваш взгляд, могли бы помочь Православию в Македонии рядовые русские верующие? В чем Архиепископия ощущает нужду именно сейчас?

– Хочу воспользоваться здесь возможностью выразить огромную благодарность Его Святейшеству Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II. Он был первым, кто через несколько дней после воссоединения письменно поддержал наш шаг, и обещал, что на Литургии будет поминать имя нашей смиренности.

С этого времени и до сего дня Патриарх Алексей не перестает выражать готовность сделать все, что в его силах для возвращения к единству и тех братьев, которые еще пребывают в расколе. Все знают о его роли в преодолении раскола в Республике Македония в целом, но, к большому сожалению, раскольники не хотят послушать даже его.

Они желают воспользоваться ситуацией и добрыми намерениями Русского Патриарха для как бы консервации нынешней проблемы вместо скорейшего ее решения.

Что касается помощи, то хочу поблагодарить Вас, господин Максимов, за материальную и духовную поддержку, которую вы оказали Православной Охридской Архиепископии. В этих катакомбных условиях было бы нескромно сказать, что мы в ней не нуждаемся.

Наша Церковь сейчас не имеет ни одного храма. Служим в домах и квартирах, а на большие праздники из-за того, что такие помещения не могут вместить всех прихожан, служим под открытым небом. Летом это легко, но зимой доставляет немало трудностей.

Так что помощь всегда приятна нам, но наиболее благодарны мы были бы, если бы наши братья иерархи, священнослужители и Божий народ в России молитвенно вспоминали о нас.

Другие нужды, которые мы сейчас имеем, Господь наш Иисус Христос восполнит с такой братской любовью, которую вы щедро являете.

– В последние годы русские паломники и туристы все чаще посещают Македонию. Но при этом они, как правило, не знают,

что все главные храмы, монастыри и святыни захвачены раскольниками из самозванной Македонской Православной Церкви. Как русский паломник, оказавшийся в вашей стране, может найти общины канонической Церкви?

– Сегодня мы имеем приходы в пяти городах Македонии: в Скопье, Охриде, Прилепе, Штипе и Куманово. Так мы покрываем почти всю территорию страны, но все же еще далеко до того, что мы хотели бы – совершать службу и в каждом, даже самом маленьком селе. Но в наших условиях и то, что сделано, является удивительным благословением Божиим, если иметь в виду, что мы ежедневно испытываем гонения государственной власти.

Что же касается паломников, было бы лучше, если бы перед выездом они посетили наш вебсайт (<http://www.poa-info.org/>) и познакомились с информацией, размещенной на нем, а в случае необходимости задали бы вопросы в рубрике «контакты».

Беседовал Юрий Максимов,
«Альфа и Омега», № 3(47), 2006

Вместо заключения

**Окружное послание
архиепископа Иоанна Церквам
Божиим из тюрьмы Идризово
от 17 декабря 2005 года**

Церкви Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа, собранной на Евхаристии в Духе Святом, рассеянной по всей Вселенной, и все же проявленной во едином Теле, прославленной в Царстве, которая достигла и Воскресения для жизни вечной.

Мы, смиренные и в оковах сущие Христа ради, архиепископ Охридский и митрополит Скопский Иоанн, посылаем это

ОКРУЖНОЕ ПОСЛАНИЕ

Пусть любовь воссияет, ненависть исчезнет, надежда заблестит, отчаяние погибнет, вера прославится, ересь будет побеждена и Христос да царствует как Бог и Господь.

Вопль жалости вашей призвал нас отечески и братски вас обнять, дабы общими сле-

зами преложили мы печаль в радость, а страдание – в надежду. Вы озабочены нашими оковами, на которые мы, будучи здесь Христа ради, смотрим как на доброе благословение Божие, а нас в свою очередь обеспокоила ваша подавленность, которая да не длится долго, потому что может повредить веру и погасить надежду. Искусные в духовном упражнении не нуждаются в таком напоминании, но другие должны знать, что Господь не посылает искушений выше сил, а те, что Он попускает, – попускает не для того, чтобы погубить нас, но чтобы сделать сильными и готовыми для венца, которым Отец наш Небесный удостоит нас во время воздаяния.

Пишете, что для вас тяжело и печально не видеть наше лицо, сокрытое за толстыми тюремными стенами, но и мы носим в себе такую же боль, поскольку не можем порадоваться вашим благим лицам и очам, полным слез, вашим сердцам, обливающимся кровью, но, веруем, не утратившим надежды.

Если для вас мучительно не слышать наш голос, который, как вы говорите, благовествовал вам, то сколь же нам больно из-за того, что сквозь стены не слышим ваше «Аминь».

Далее, если вы так сильно сожалеете о том, что мы временно отсутствуем среди вас, если вы беспокойны потому что кто-то один, кого вы любите, не присутствует среди вас, что сказать нам, у которых кроме Ангела нет рядом никого, чтобы утереть пот с лица, подать чашу воды, обнять вас братским приветствием.

И после всего этого, грешно ли, что у нас такая боль разлуки, такая горечь гонения? Не только не грех, но вполне естественно, что нам не хватает друг друга и мы тоскуем, когда физически разлучены. Тот, кого любишь, не должен быть слишком далеко, чтобы боль оттого, что не видишь его, не стала слишком велика. Достаточно, если он будет за стеной. Если стена построена из кирпича, или другого современного строительного материала, как стена тюрьмы, не позволяющая нам встретиться, не бойтесь. Она подвержена разрушению, ее можно будет преодолеть. Ваша вера постепенно подточит основание, ваша надежда расшатает опоры, а любовь наша разрушит ее, ибо в конце по слову Апостола, останутся только эти три добродетели (см.: 1 Кор. 13, 13).

Непробиваемой является другая стена, – та, которую грех воздвигает между нами.

Этим на вид прозрачным материалом, вес и плотность которого нельзя измерить, создаются самые толстые стены между людьми. Всякий грех, который мы носим в мыслях, – это сырье для материала непробиваемой стены, а всякий совершенный грех – это уже сам готовый материал. Через такие стены любви трудно пробиться, и радости трудно их преодолеть. Такие стены окружают нас в царстве тоски и безысходности.

Нам, изгнанным из рая, не чужда печаль. Печалимся о потерянном рае, но печалимся и об отсутствии того, кого любим. И все же великая печаль расставания с любимыми приносит нам великую пользу, мы терпим ее с благодарностью. Ибо не только раны телесные, но и печаль душевная вознаграждается.

Так что перестаньте сожалеть о том, что нас не выпустили из тюрьмы, ибо вы сделали все, что могли, и даже больше того. Когда вы поняли, что это сейчас невозможно, не берегли себя, но даже стремились разделить с нами тюремную камеру. Но раз и это последнее оказалось недостижимым, не стоит огорчаться из-за того, что вы будто не сделали столько, сколько могли. Сделали. Остальное довершит Бог.

Впрочем, не хотим умолчать о том, насколько утешила нас ваша забота. *«Говорю это не потому, что нуждаюсь, ибо я научился быть довольным тем, что у меня есть. Умею жить и в скудости, умею жить и в изобилии; научился всему и во всем, насыщаться и терпеть голод, быть и в обилии и в недостатке. Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе. Впрочем вы хорошо поступили, приняв участие в моей скорби»*, – говорит апостол Павел (Флп. 4, 11–14), а мы не имеем, что к этому добавить.

В одном письме, написанном из ссылки, святитель Иоанн Златоуст говорит, что награду приносят не только добродетели, но и страдания. И даже бóльшую. Пример тому Иов, страдалец и образец терпения, в котором добродетели и страдания соединились, так что не знаю, чем Иов драгоценнее: тем ли, что сияет добродетелью как алмаз, или тем, что через страдания стал тверже алмаза.

Вы знаете его добродетели: гостеприимство, сострадание, милость, человеколюбие, праведность, трудолюбие, кротость, мудрость, воздержание и еще многое другое. И все же, чем он больше прославился, добро-

детелями или страданиями? Если Иов велик, уже потому что соединил в себе столько добродетелей, то насколько же он выше, потому что показал себя терпеливым в перенесенных страданиях?

Итак, когда Иов был светлее: когда дом его был открыт для каждого или когда его дом рухнул, а он все это претерпев без единого злого слова, благословил Господа? Когда он показал себя более великим: когда принес жертву за успех своих детей или тогда, когда они умерли ужасной смертью, были погребены под рухнувшим домом, а он все это стойко вынес?

Что важнее: то, что от шерсти своих овец одевал нищих или то, что без волнения принял весть, что все его стада уничтожены? Как он стал знаменитым: когда своим старческим телом вставал на защиту притесняемых и крушил зубы делателей неправды, или когда смотрел, как его старческое тело поедают черви?

И хотя добродетели Иова неоспоримы и достаточны для венца пред Господом, страдания соделали его светлейшим, величайшим и достойнейшим, ибо страдания есть самая тяжелая часть борьбы, в которой,

чтобы победить, нужны: большое мужество, психическая устойчивость, мудрость и великая любовь к Богу. Так печаль, которую приносит страдание, если принять его с благодарностью, станет больше добродетелей, которые человек стяжает великим подвигом.

Когда апостол Павел хвалит себя, невзирая на то, что, как говорит, делает это в безумии, он не хвалится своими добродетелями. Ясно, что по этому критерию он лишь один среди многих непорочных пред Законом Божиим. Но он – великий Апостол потому что любовь ко Христу доказал страданием. Много раз он бывал в темнице, подвергался бичеванию, побиванию камнями, палками, находился в опасностях, несколько раз, как сам говорит, оказывался и при смерти. Не однажды, а трижды, пережил кораблекрушение, не говоря о том, сколько раз терпел голод, жажду, недостаток одежды, – переходя реки и опасные пути, чтобы благовествовать Евангелие (см.: 2 Кор. 11, 23–32). Все это было бы неподъемным, если человек не принял бы все, что происходит, с благодарностью и если бы любовь к Богу не укрепила его.

Тот, кто любит, тот и страдает. И насколько больше любит, настолько больше страдает. В этом падшем мире существует некая глубокая связь между любовью и страданием. В будущем мире, которого с нетерпением ожидаем, любовь утратит «качество» страдания.

А все страдания, которые Церковь претерпевает, претворяются в силу ее опыта. Подношение страданий за Христа служит успеху Евангелия. Разве не помните, как говорит Апостол, что все, случившееся с ним, было ради того, чтобы царский суд и все остальные узнали, что он в оковах Христа ради (см.: Фил. 1, 13)?

Видите, как злоба противников Церкви, а в нашем случае еретиков, оказала услугу телу Церкви. Господь обратил их злобу в сострадание к нам. Весь мир узнал о нашем несправедливом заточении и воспротивился ему. И еще кое-что: те, кто прежде нашего свидетельства о вере колебались и были нетверды, сейчас крепко связали себя с Церковью. Это совершенно естественно, потому что вера доказывается через мученичество, а не через праздные проповеди и добрые намерения без дел. Только тот, кто испытал

это на себе, может сказать с Апостолом: *«И бóльшая часть из братьев в Господе, ободрившись узами моими, начали с большею смелостью, безбоязненно проповедовать слово Божие»* (Фил. 1, 14). Таким образом, несмотря на то, что некоторые имели нечистые намерения, хотели причинить скорбь нашими оковами, Господь обратил их злобу к устроению Церкви. И вот, все тело имеет пользу, хотя наши враги старались нам навредить.

Ни один подвиг не приносит такую награду, как несправедливое страдание. Конечно, если оно будет принято с благодарностью. Но вслед за одним страданием пришло второе, и прежде, чем оно завершилось, началось третье, затем четвертое. Неизвестно, будет ли этому конец. С помощью полиции нас выгнали из митрополии в Велесе, а затем, спустя краткое время, применив еще больше насилия и из монастыря в Неготино, куда мы были изгнаны. Затем власти послали вооруженных разбойников в масках, чтобы запугать нас. Сначала эти люди ограбили, а потом и подожгли монастырь, который мы начали строить, и навредили монахиням, жившим в нем. Монахов из

других монастырей полиция с применением оружия выгнала из их домов среди ночи в январе. На наших глазах жестокие власть предержащие варварски разрушили монастырскую церковь. С невиданной злобой клеветали на нас во всех средствах массовой информации, наконец, заключили в тюрьму.

Конечно же, мы не радуемся ни смерти судьи, который нас осудил, и умер молодым, ни смерти человека, который разрушил церковь, и Господь взял его жизнь прежде, чем он состарился. Господь учил нас любить и врагов, даже молиться за тех, кто нас обижает и гонит (см.: Мф. 5, 44). По примеру Христа, говорим: *«Отче, прости им, ибо не знают, что делают»* (Лк. 23, 34), но ради истины и воспитания будущих поколений, не должно замалчивать, что они заслужили наказание Божие.

Вы знаете, братья наши, что епископ – это икона самого Христа. Устроением того, чтобы он был обесчещен, заключен в тюрьму и мучим, они приняли на себя роль Пилата, учинили осуждение Спасителя, желая быть даже судьями Богу. Поэтому конец таких людей бесславен. Не потому, что осудили епископа, который по своей

человеческой слабости может и ошибаться, но потому, что осудили икону Христа, которой является епископ, а это то же самое, как поместить в тюрьму Господа.

А приказать разрушить Церковь, это то же самое, как приказать разрушить Тело Христово, которое есть Церковь. Храм получил имя по Телу Христову, которое зовется Церковь и собирается на этом месте. Так, разрушая этот рукотворный храм, они вредили нерукотворному и, Церкви Божией, которая собиралась в том храме.

И потому наказание Божие и в том и в другом случае столь суровое. Господь решил взять жизнь у этих людей весьма быстро после их бесчинства над Церковью. Он оставил им период для покаяния, но поскольку они не употребили его с пользой для своего спасения, предал их праведному суду. На том суде не будет привилегий для судей мира сего, они будут судимы так же, как и те, которые в этом мире были судимы ими.

Помните ли, что сделали с Иосифом единокровные братья? С нами в сущности эти же братья проделали то же самое. И в его случае одно гонение сменялось вторым, а второе третьим. Продав его, сделали рабом в чужой

земле, земле с чужим языком, чужими людьми. Есть ли большая неволя, чем это? Но он попал и в настоящую тюрьму, вкусил оковы и бичевания, и вообще все особенности тюремного заключения. И вышел отсюда великим, ибо страдания, которые он претерпел, сделали его достохвальным. Также и апостола Павла страдания, о которых он сказал, что они рождают опыт, сделали достохвальным. С таким, в себе утвержденным опытом, писал он Филиппийцам: *«Потому что вам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него таким же подвигом, какой вы видели во мне и ныне слышите о мне»* (Фил. 1, 29–30). Из страданий рождается смирение, а смирение больше нестяжания и безбрачия. Смирение в действительности есть молитва сердца.

Итак, безропотное терпение страданий ведет к трем достижениям. Первое, тот, кто страдает, становится смиренен и тверже алмаза; второе, его страдание дает волю и храбрость тем, кому еще не пришел черед страдать; и третье (наиважнейшее), то, что оно готовит венцы у Господа.

А нас, как вы и сами убедились, наши враги, даже и не желая того, довели до такого

положения, в котором больше уже не могут нам повредить. «Истратили все стрелы» и ничего не успели, кроме того, что осрамили себя перед всеми. Теперь во всей вселенной они известны как злобные еретики, которые кроме пакостей и борьбы против Тела Христова не знают ничего другого. Неосознанно, и даже против своей воли, они помогли нам быстрее и успешнее преобразить собственные страсти, – дело, которое у нас без их злобы потребовало бы много труда, было сделано быстрее, чем можно было ожидать. Однако хотя Господь их зло обращает к пользе Церкви, они не могут быть оправданы, ибо не творили добро свободной волей, но, напротив, свободу воли употребили для клеветы и опозоривания Церкви, ее епископа и священнослужителя. Они строят дом на песке, и вполне ожидаемо, что он рухнет. Но *«благословляйте гонителей ваших; благословляйте, а не проклинаяте»* (Рим. 12, 14), – говорит Апостол.

Злобные методы наших хулителей ничем не отличаются от тех, которые во времена святого Афанасия Великого или святого Иоанна Златоуста употребляли их клеветники. В главном, все враги Церкви употреб-

ляют одни и те же методы. Когда видят, что истина их поражает, что остаются без богословских аргументов и что должны быть осуждены за ересь, тогда обвиняют Божиих угодников, что те будто совершили денежные растраты, или другие низкие грехи, которые бы не сделал даже маловерный христианин. Разве ариане не обвиняли святого Афанасия, что он сребролюбив? Не пришлось ли ему перед царским судом доказывать, что он боголюбец, а не сребролюбец? Разве не то же сделали и со святым Иоанном Златоустом? Не был ли он, помимо прочего, изгнан и из-за клеветы, что будто бы злоупотребил деньгами из кассы для бедных?

Мелкие души и вообще все враги Церкви никогда не поймут, что для великих людей деньги не цель, а средство. Судя по себе, они думают, что и все подкупны, сребролюбивы и страстолюбивы.

Пилат не распял бы Христа без совета священников иудейских, а власть без настояния еретиков сама по себе не заключила бы нас в оковы. Но хорошо, что их лицемерие открылось, их обман обнаружился, их ложь оказалась доказана. Нет больше ни одного уголка во Вселенной, где не слышали бы об

их дерзкой борьбе против Церкви, об их еретическом злословии. Они открыли свое истинное лицо, которое скрывали десятилетиями. Плюнули в небо, но плевков упал им на лицо. И если после всего вышеизложенного все же кто-то спросит: «Почему Бог позволяет, чтобы праведники и Церковь Его страдали, а грешники хорошо проводили дни земной жизни?» – скажу вам то, что давным-давно изрек святой Максим Исповедник.

В нашей власти свободно творить добрые или плохие дела. Господь это знает от вечности, но не предопределяет. В Божией власти и наказания, которые нас постигают, и награды. Мы не имеем власти ни над болезнью, ни над здоровьем, но имеем власть над причинами, из которых возникает болезнь, и над теми, которые сберегают здоровье. Так, воздержание – причина болезни, а воздержание – основа хорошего здоровья. Соблюдение Божиих заповедей – причина наследования Царства Божия, а нарушение Божиих заповедей ведет в ад. Но происходит так, что иногда благочестивые, которые соблюдают заповеди Божии и творят Его волю, страдают в этом мире, а неблагоче-

тивные, самолюбцы и гордецы встречают спокойную старость.

Этих первых, которые страдают за правду, Бог познал от вечности, имея их логос еще прежде сотворения мира и видя их сквозь их конец, сквозь последний Его суд, как спасенных, как части тела Своего Возлюбленного Сына. Это святые. Они творят волю Божию, свою волю покоряя Его воле, и так их воля, которая свободна и которую им Бог не предопределил, становится у них тождественной с Божией волей. Через искушения и страдания они бывают испытаны, твердо ли решили свою волю покорить Божией. Как это случилось, скажем, с Иовом и Иосифом.

Иов был искушен, чтобы проявить его доблесть, дотоле невиданную, а Иосиф – чтобы показать целомудрие и воздержание, которые делают человека святым. И другие святые, которые даже и не страдали добровольно, претерпели несчастья в этом мире по Божию попущению, чтобы победить, и обезглавить врага человеческого – диавола.

А те грешники, которые, казалось бы, хорошо провели жизнь, подобны пяти неразумным девам, которые вышли ожидать же-

ниха с пустыми руками, без добродетелей. Дождались дня свадьбы, но не вошли на свадьбу и услышали те страшные слова: «*Не знаю вас*» (Мф. 25, 12). Это самые страшные слова, которые человек может услышать от Бога. Бог знает нас, людей, как логосы в Логосе, как существа, собранные в Его Сыне. Если нас нет в Логосе, если мы не часть Его Тела, тогда Бог нас не познает. Мы существуем, но нас как будто нет, на время мы воздвиглись из праха, из которого созданы, чтобы опять в него возвратиться. Так, несмотря на то, что некто долго и комфортно живет во грехе (хотя так бывает редко, и это почти невозможно), после смерти след его сотрется и память о нем исчезнет. Если Бог не познал их, то они не имеют участия в вечности, а то, что Он не познал их, верно, ибо они сами покрыли себя грехом так, словно Бог их не видит. Они отпадают от вечности не из-за того, что Бог так предопределил. Бог любит всех, кого сотворил, но они отпадают от вечности потому что сами выбрали идти во ад путем удобной жизни во грехе, а не в рай, куда входят через испытания, несчастья и страдания, которые очищают нас от греха.

Поэтому, братья наши, возлюбленные чада о Господе *«Кто сам имеет Его (Христа) в себе, тот пусть поймет, чего желаю, и окажет сочувствие мне, видя, что занимает меня»*, – говорит святой Игнатий Богоносец Римлянам незадолго до того, как лавы растерзали его. А потом продолжает: *«Моя любовь распялась, и нет во мне огня, любящего вещество, но вода живая, говорящая во мне, взывает мне изнутри: “иди к Отцу”»*.

Идите, возлюбленные о Господе, да все пойдем ко Отцу, туда, где уготовано нам место прежде всех век, да царствуем с Сыном Божиим как члены Тела Его, соединенные Духом Святым.

*ИОАНН, милостью Божией архиепископ
Охридский и митрополит Скопский*

Незадолго до Рождества Христова 2005 года,
Тюрьма Идризово – Скопье

Содержание

- Предисловие – 3
Диакон Георгий Максимов
- Македонские исповедники наших дней – 7
Диакон Георгий Максимов
- Пролог – 48
Монахиня Олимпиада (Мижимаковска)
- Иоанн, архиепископ Охридский
и митрополит Скопский*
- Великие патриоты – 54
- Девальвированное право – 78
- «Восьмое крыло» – 96
- Философ-наркоторговец – 102
- Отцовская пасха – 120
- Несправедливо осужден – 133
- Ошибка – 148
- Источник веры и силы – 159
*Интервью архиепископа Иоанна Охридского
и митрополита Скопского
диакону Георгию Максимову*
- Вместо заключения
Окружное послание архиепископа Иоанна
Церквам Божиим из тюрьмы Идризово – 172

ИОАНН,
архиепископ Охридский
и митрополит Скопский

СВОБОДЕН В НЕВОЛЕ

Издание Данилова мужского монастыря

Директор Издательства – С. Дубинкин
Главный редактор Издательства – В. Малягин

Редактор – Е. Орлова
Художник – А. Григорьев
Компьютерная верстка, макет – О. Гришина
Корректор – А. Шуртина

Лицензия ЛР № 030571 от 20 октября 1998 г.
Подписано в печать 15.03.2012. Формат 70×90^{1/32}.
Печ. л. 6. Тираж 5 000. Заказ №

Издательство «Даниловский благовестник»
115191, Москва, ул. Даниловский Вал, 10/12

Отпечатано в типографии Патриаршего
издательско-полиграфического центра
г. Сергиев Посад